

№3- 2025

**НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**Э П ВОПРОСЫ
ПСИХОЛОГИИ
ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ
СИТУАЦИЙ**

№3- 2025

**RESEARCH
AND PRACTICE
JOURNAL**

**ISSUES
IN EXTREME
SITUATION
PSYCHOLOGY**

“Issues In Extreme Situation Psychology” is peer-reviewed research and practice journal. It publishes general scientific and practice-oriented articles concerned with the topical problems of educational, developmental, special, forensic, social, health psychology, psychological assessment and counselling.

The journal’s mission and tasks are defined by contemporary science which, alongside case-specific approaches to psychology of human, consistently synthesizes achievements in various fields of knowledge associated with specific and general aspects of personality upbringing and education, professional identity, as well as personality development and social adaptation.

The target readers of the journal are researchers, teachers, practitioners in psychology and psychiatry, post-graduate students, applicants, master’s students and students of specialized higher educational establishments (faculties and/or departments), as well as all those showing interest in the problems of social and personal psychology.

Each article published in the journal is to undergo obligatory reviewing by the editorial board members.

Рецензируемый журнал «ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ» – это периодическое издание, на страницах которого публикуются научные, практико-ориентированные статьи и материалы прикладного характера, посвященные актуальным проблемам в педагогической, возрастной, специальной, юридической, социальной психологии, психологии здоровья, психодиагностики и психологической помощи.

Цель и задачи журнала определены современной наукой, в которой наряду с дифференциацией подходов к изучению человека идут процессы синтеза и различного знания, вскрывающие частные и общие стороны и факты процессов развития воспитания, образования, профессионального определения, становления и адаптации личности, а также помощи человеку в разных условиях жизни и деятельности.

Целевую аудиторию журнала составляет широкий круг специалистов. Среди них научные работники, преподаватели, практикующие специалисты, аспиранты, соискатели, магистранты и студенты, а также все те, кто интересуется психологическими проблемами современного общества и человека в нем.

Все статьи подлежат рецензированию членами редакционного совета.

Языки: Русский, английский

Количество статей в журнале: до 20.

Количество выпусков в год: 4

ISSN электронного сетевого издания 3034-2767

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ЭЛ № ФС77-87682 от 28 июня 2024 г.

Сайт издательства <https://extrapsy.ru/>

Разделы и рубрики журнала:

- Общая психология, психология личности
- Медицинская психология
- Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика
- Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- Коррекционная психология и дефектология
- Юридическая психология и психология безопасности
- Социальная психология, политическая и экономическая психология
- Психофизиология
- Возрастная психология

Учредитель издания: Алагаева Кавсарат Юсуповна

Адрес редакции и учредителя: 344114, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Боряна, 20.

Тел.: +7 (929) 817-10-07.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР-

РЮМШИНА ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА

Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГУСЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Доктор психологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

БЕЛЫХ ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

БЫЗОВА ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский Государственный университет.

ВАЧКОВ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

доктор психологических наук, профессор, профессор-исследователь кафедры общей психологии факультета клинической и специальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа».

ГРОШЕВ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Лауреат премии Правительства РФ в области образования. Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский институт образования и науки».

ЖДАНОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА

Доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития, директор Центра психолого-педагогической помощи, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

ИГОЛЕВИЧ НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

КИБАЛЬЧЕНКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности, Институт компьютерных технологий и информационной безопасности, ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет».

КОРЖОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

Доктор психологических наук, профессор, профессор, зав. кафедрой общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.

КУДИНОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Доктор психологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

КУЛИКОВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

МАЗУРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА

Доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ.

МАКАРОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Доктор психологических наук, профессор кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственный технический университет.

НАУМЕНКО ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан.

ОГНЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Доктор психологических наук, профессор, заместитель директора института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ПАЗУХИНА СВЕТЛАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

почетный профессор РАО, доктор психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого».

СЕЛЮЧ МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики, Амурский государственный университет.

СЕМЕНОВА ЛИДИЯ ЭДУАРДОВНА

Доктор психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры возрастной и клинической психологии.

СИМАЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Доктор психологических наук профессор, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, профессор-консультант ОНК «Институт образования и гуманитарных наук».

СИНЯКОВА (ГРИНИК) МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА

Доктор психологических наук, доцент, Заведующая кафедрой Государственной службы и кадровой политики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России.

УЛЬЯНИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

Доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент РАО ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», руководитель Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации.

EDITOR-IN-CHIEF

LYUBOV IVANOVNA RYUMSHINA

Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Social Psychology and Personality Psychology Department. Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University".

EDITORIAL BOARD:

GUSEV ALEXEY NIKOLAEVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University.

BELYKH TATYANA VIKTOROVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Social Psychology of Education and Development Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

BYZOVA VALENTINA MIKHAILOVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor of the General Psychology Department, St. Petersburg State University.

VACHKOV IGOR VIKTOROVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Research Professor at the General Psychology Department, Faculty of Clinical and Special Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis.

GROSHEV IGOR VASILYEVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Laureate of the Russian Government Prize in the field of education. Autonomous non-profit organization "Scientific Research Institute of Education and Science".

ZHDANOVA SVETLANA YURYEVNA

Doctor of Psychological Sciences, Head of the Developmental Psychology Department, Director of the Center for Psychological and Pedagogical Assistance, Perm State National Research University.

IOGOLEVICH NATALIA IVANOVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Humanities and Technologies Department, Tyumen Industrial University.

IRINA ALEXANDROVNA KIBALCHENKO

Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Psychology and Life Safety Department, Institute of Computer Technology and Information Security, Southern Federal University.

KORZHOVA ELENA YURYEVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

KUDINOV SERGEY IVANOVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

KULIKOV LEONID VASILYEVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Social Psychology Department, St. Petersburg State University.

MAZUROVA NADEZHDA VLADIMIROVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Director of the Vygotsky Institute of Psychology of the Russian State University.

MAKAROVA ELENA ALEXANDROVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor of the General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University.

NAUMENKO EVGENY ALEXANDROVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Pedagogy and Psychology Department, Urgench State University, Uzbekistan.

OGNEV ALEXANDER SERGEEVICH

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation.

PAZUKHINA SVETLANA VYACHESLAVOVNA

Honorary Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Psychology and Pedagogy Department, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy.

SELYUCH MARINA GRIGORYEVNA

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Amur State University.

SEMENOVA LIDIYA EDUARDOVNA

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Age and Clinical Psychology Department.

SIMAEVA IRINA NIKOLAEVNA

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Consulting Professor at the Institute of Education and Humanities.

SINYAKOVA (GRINIK) MARINA GENNADIEVNA

Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Public Service and Personnel Policy Department, Ural Institute of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

ULYANINA OLGA ALEXANDROVNA

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the RAO Moscow State Psychological and Pedagogical University, Head of the Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the Education System of the Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Волошенко Юлия Сергеевна. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМПАТИИ У ДЕТЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	12
Кизикова Алена Владимировна, Новикова Ксения Владимировна. ВОЗМОЖНОСТИ АРТ-ТЕРАПИИ В ОПТИМИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН ПРИ ПЕРИНАТАЛЬНОЙ ПОТЕРЕ	18
Киреева Елена Анатольевна, Надыргулова Шаура Абдулхаевна. ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ	26
Кондрашихина Оксана Александровна. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ УЧАСТНИКАМ СВО И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ	32
Магомадова Лидия Руслановна. ПОДРОСТКОВАЯ ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В СТЕНАХ ШКОЛЫ: ВЫЗОВ ДЛЯ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ	40
Минькова Надежда Константиновна, Минькова Карина Владиславовна. ЗООТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ИНВАЛИДОВ	47
Чкирина Анна Витальевна. ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ РАННЕГО ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА	57
Чубенко Ольга Владимировна. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	64

CONTENTS

Voloshenko Yulia Sergeevna. PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EMPATHY DEVELOPMENT IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN	12
Kizikova Alyona Vladimirovna, Novikova Ksenia Vladimirovna. THE POSSIBILITIES OF ART THERAPY IN MINIMIZING THE EMOTIONAL STATE OF WOMEN WITH PERINATAL LOSS	18
Kireeva Elena Anatolyevna, Nadyrgulova Shaura Abdulhaevna. PERSONAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS FROM FULL AND SINGLE-PARENT FAMILIES	26
Kondrashikhina Oksana Alexandrovna. PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO CBR PARTICIPANTS AND THEIR FAMILY MEMBERS AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC REFLECTION	32
Magomadova Lidiya Ruslanovna. ADOLESCENT DESTRUCTIVENESS IN SCHOOL: A CHALLENGE FOR EDUCATORS AND PSYCHOLOGISTS	40
Minkova Nadezhda Konstantinovna, Minkova Karina Vladislavovna. ZOOTHERAPEUTIC POTENTIAL IN THE SOCIAL REHABILITATION SYSTEM: THE IMPACT OF INTERACTION WITH PETS ON THE PSYCHOLOGICAL STATE OF PEOPLE WITH DISABILITIES	47
Chkirina Anna Vitalievna. THE INFLUENCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE ON COPING STRATEGIES OF EARLY ADOLESCENT STUDENTS	57
Chubenko Olga Vladimirovna. PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL STABILITY IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATIONS	64

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМПАТИИ У ДЕТЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Волошенко Юлия Сергеевна

Студент,

Педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

В статье рассматриваются психологические особенности развития эмпатии у детей младшего школьного возраста (7–10 лет) в контексте современной российской образовательной и семейной среды. На основе систематического анализа отечественной научной литературы (1968–2024 гг.) выделены три основных этапа формирования эмпатии: доминирование реактивной аффективной эмпатии (1–2 классы), активизация когнитивного компонента и теории ума (3 класс), формирование интегративной просоциальной эмпатии (4 класс). Показана решающая роль семьи, школы, инклюзивной среды и ограничения экранного времени в успешном прохождении этих этапов. Выявлены гендерные различия и риски дефицита эмпатии (буллинг, школьная дезадаптация, агрессия). Обоснована необходимость внедрения программ социально-эмоционального обучения (СЭО) в начальной школе как научно-обоснованного подхода к профилактике социально-психологических рисков и повышению социальной компетентности детей.

Ключевые слова: эмпатия, младший школьный возраст, когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия, поведенческая эмпатия, просоциальное поведение, социализация, эмоциональный интеллект, ролевое взаимодействие, инклюзивная среда, цифровая социализация, социально-эмоциональное обучение, инклюзивное образование, цифровая социализация, буллинг, семейное воспитание.

Актуальность исследования.

Развитие эмпатии у детей младшего школьного возраста (7–10 лет) является одной из наиболее острых и социально значимых проблем современной российской психологии и педагогики. В последние годы в России фиксируется рост детской и подростковой агрессии, школьного буллинга и кибербуллинга. По данным мониторинга ВЦИОМ и исследований РАН, более 40 % младших школьников хотя бы раз сталкивались с травлей со стороны сверстников, а 12–15 % детей систематически выступают в роли агрессоров. При этом низкий уровень эмпатии выступает одним из главных предикторов как виктимного, так и агрессивного поведения [6].

Одновременно наблюдается тревожная тенденция снижения живого социального взаимодействия: среднее экранное время детей 7–10 лет в России превышает 3 часа в сутки, что значительно выше рекомендаций ВОЗ (не более 2 часов). Это приводит к ослаблению способности распознавать невербальные эмоциональные сигналы и снижает естественную «тренировку» эмпатических реакций [7].

Младший школьный возраст – сензитивный период для формирования полноценной трёхкомпонентной эмпатии (когнитивной, аффективной и

поведенческой). Именно в это время происходит переход от эгоцентрической позиции дошкольника к способности к децентрации и принятию перспективы другого человека – ключевое новообразование возраста по Л. И. Божович [1]. От того, насколько успешно будет пройден этот переход, зависит не только текущая школьная адаптация, но и вся дальнейшая траектория личностного и морального развития ребёнка.

Особую актуальность приобретает задача разработки и внедрения программ социально-эмоционального обучения (СЭО) в российских начальных школах, особенно в условиях активного развития инклюзивного образования и цифровизации детства. Без целенаправленной работы по формированию эмпатии современная школа рискует воспроизводить поколения эмоционально неграмотных детей, что в долгосрочной перспективе угрожает социальной сплочённости общества.

Краткий обзор исследований (литературы).

Теоретические основы понимания эмпатии как важнейшего новообразования младшего школьного возраста были заложены в отечественной психологии ещё в XX веке. Л. С. Выготский подчёркивал, что преодоление эгоцентризма и развитие способности к децентрации являются центральными линиями психического развития в этом возрасте [2]. Л. И. Божович рассматривала формирование морального сознания и способности к сопереживанию как ключевой аспект личностного становления младшего школьника [1].

Современные российские исследования развивают и конкретизируют эти положения. Т. П. Гаврилова показала, что в 1–2 классах преобладает реактивная эмпатия («эмоциональное заражение»), когда ребёнок плачет, видя плачущего одноклассника, не осознавая причины его слёз [3]. К третьему классу активизируется когнитивный компонент, связанный с развитием теории ума, а к четвёртому – формируется устойчивый просоциальный уровень.

О. А. Карабанова и Н. Н. Поскребышева установили, что дети из семей с открытым обсуждением эмоций и высоким уровнем эмоциональной отзывчивости родителей демонстрируют на 25–35 % более высокий уровень как когнитивной, так и аффективной эмпатии. Напротив, авторитарный и директивный стиль воспитания ограничивает эмпатию инструментальными формами (поделиться игрушкой по приказу, но без искреннего сочувствия) [5].

Значительное внимание уделяется влиянию цифровой среды. Т. Д. Марцинковская и А. В. Иванова в лонгитюдном исследовании показали, что дети, проводящие более 2,5 часов в день за экранами, к 10 годам демонстрируют снижение способности к распознаванию эмоций по мимике на 22–25 % по сравнению со сверстниками с умеренным экранным временем [7].

Ряд работ посвящён гендерным особенностям. Е. П. Ильин [4] и О. В. Рубцова [9] отмечают, что девочки чаще проявляют вербально-эмоциональные формы эмпатии, а мальчики – инструментально-действенные. Это требует гендерно-чувствительных педагогических подходов.

Особый интерес представляют исследования инклюзивного образования. В. С. Собкин в пятилетнем лонгитюдном исследовании установили, что дети из инклюзивных классов к четвёртому году обучения демонстрируют на 15–20 % более высокий уровень просоциальной эмпатии, чем дети из обычных классов [10].

Материалы и методы исследований.

Настоящая статья является теоретико-обзорным исследованием, выполненным на основе систематического анализа и синтеза научных публикаций российских авторов, посвящённых проблеме развития эмпатии у детей младшего школьного возраста (7–10 лет).

Материалы исследования составили 10 источников отечественной психологической и психолого-педагогической литературы, опубликованных в период с 1968 по 2024 гг.:

классические работы Л. С. Выготского (1984) и Л. И. Божович (2008), заложившие теоретические основания понимания новообразований младшего школьного возраста и преодоления эгоцентризма;

современные эмпирические и теоретические исследования (Гаврилова, 2020; Карабанова, Поскребышева, 2021; Лебедева, 2022; Марцинковская, Иванова, 2024; Мудрик, 2007; Рубцова, 2022; Собкин и др., 2019; Ильин, 2013), опубликованные в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ.

Применённые методы анализа:

- Контент-анализ текстов с выделением ключевых категорий: структура эмпатии (когнитивный, аффективный, поведенческий компоненты), возрастная динамика, факторы семейного и школьного воспитания, влияние цифровой среды, гендерные и инклюзивные аспекты.

- Сравнительно-возрастной анализ данных, полученных разными авторами в отношении детей 1–4 классов.

- Обобщение и интеграция результатов лонгитюдных (Собкин и др., 2019; Марцинковская, Иванова, 2024), кросс-секционных и экспериментальных исследований.

- Критический анализ выводов цитируемых работ с целью выявления общих закономерностей и противоречий в понимании механизмов и условий развития эмпатии у младших школьников.

Все выводы основаны исключительно на вторичном анализе уже опубликованных российских источников, перечисленных в списке литературы.

Результаты и их обсуждение.

Анализ литературы позволил чётко проследить три этапа развития эмпатии в младшем школьном возрасте, подчёркивая её многоуровневую структуру и зависимость от социальных факторов. На первом этапе (1–2 класс, 7–8 лет) доминирует реактивная аффективная эмпатия, когда ребёнок автоматически «заражается» эмоциями другого: плачет при виде плачущего сверстника или радуется вместе с ним, не осознавая причин этих эмоций. Это соответствует стадии «глобальной эмпатии» и отражает незавершённость преодоления эгоцентризма, характерного для дошкольного периода [3]. Такие реакции закладывают основу для эмоционального резонанса, но без когнитивного контроля могут приводить к эмоциональному выгоранию или избеганию социальных контактов, особенно в ситуациях интенсивного воздействия. Например, ребёнок может отстраниться от грустящего одноклассника, чтобы избежать собственного дискомфорта. В этом возрасте аффективный компонент преобладает, а поведенческий проявляется спорадически – в форме импульсивной помощи, такой как объятие или совместная игра, без осознанной мотивации.

На втором этапе (3 класс, 8–9 лет) происходит бурное развитие когнитивной эмпатии, связанное с активацией теории ума и способностью к децентрации. Дети начинают понимать, что эмоциональные реакции других обусловлены уникальными обстоятельствами, отличными от их собственных.

Это проявляется в дифференциации причин эмоций: если раньше ребёнок проецировал свои переживания на других (например, предполагая, что сверстник грустит из-за потерянной игрушки, как и он сам), то теперь он способен анализировать перспективу партнёра. Метакогнитивные навыки усиливают эмоциональный словарь, позволяя вербализовать чувства («Он расстроен, потому что не получилось нарисовать, а не потому, что я не поделился карандашом»). Нейропсихологические механизмы здесь включают активацию зеркальных нейронов и префронтальной коры, обеспечивающих эмоциональное вчувствование с элементами рефлексии [9]. Гендерные различия начинают проявляться: девочки чаще демонстрируют вербально-эмоциональные формы (обсуждение чувств), мальчики – инструментальные (практическая помощь без глубокого анализа).

Третий этап (4 класс, 9–10 лет) характеризуется формированием интегративной просоциальной эмпатии, где понимание и сопереживание трансформируются в мотивированные действия: утешение, совместное решение проблем, привлечение помощи взрослого или координация усилий в группе. Этот уровень наиболее устойчив и способствует альтруизму, кооперации и долгосрочным социальным связям [10]. Поведенческий компонент интегрирует когнитивный и аффективный, минимизируя риски, такие как гиперэмпатия (слишком сильное переживание чужих эмоций, приводящее к тревоге) или дефицит (игнорирование страданий других, коррелирующий с буллингом). Дети с развитой просоциальной эмпатией демонстрируют на 30–40% более низкий уровень конфликтности и выше сплочённость в коллективе.

Влияние семейной среды на эти этапы критично: дети из семей с открытым обсуждением эмоций (вопросы типа «Что ты чувствуешь? Как, по-твоему, чувствует другой?») показывают прирост эмпатии на 25–35%, в то время как директивный стиль подавляет аффективный компонент, ограничивая его материальной помощью без эмоционального вовлечения. Безопасная привязанность формирует доверие, необходимое для риска эмоционального открывания [5]. Образовательная среда усиливает развитие: ролевые игры, анализ литературных персонажей и групповые проекты (например, «Создаём классный уголок») тренируют децентрацию и просоциальные навыки, повышая частоту помощи на 40–60% [8]. Гендерно-чувствительные подходы, учитывающие различия в экспрессии (вербальная у девочек, действенная у мальчиков), балансируют компоненты через ролевые игры «наоборот» и дифференцированные задания.

Цифровая среда оказывает неоднозначное влияние: чрезмерное экранное время (>2 часов/день) ослабляет интерпретацию невербальных сигналов (мимика, жесты), снижая эмпатию на 18–25%, и провоцирует кибербуллинг из-за анонимности [7]. Инклюзивная среда, напротив, усиливает гибкость эмпатии: взаимодействие с детьми с ОВЗ учит адаптировать реакции (например, невербальную поддержку при сенсорных перегрузках), повышая просоциальную эмпатию на 15–20% к четвёртому классу [10]. Риски дефицита значимы: низкая когнитивная эмпатия ведёт к социальной наивности и уязвимости, аффективная – к агрессии или тревоге, поведенческая – к изоляции и снижению мотивации, с корреляцией в 2–3 раза выше для буллинга [6].

Обсуждение результатов подтверждает культурно-историческую концепцию Выготского: эмпатия развивается в зоне ближайшего развития через социальные взаимодействия, требуя координации семьи и школы. Многофакторная модель подчёркивает необходимость ранней диагностики

(IRI, тесты теории ума) и СЭО-программ (эмоциональные дневники, круги доверия, этюды), интегрирующих гендерные и инклюзивные аспекты. Оптимизация снижает конфликтность, улучшает адаптацию и способствует моральному росту, минимизируя долгосрочные риски (депрессия, дезинтеграция). Дальнейшие исследования должны фокусироваться на лонгитюдных данных по цифровому влиянию для научно-обоснованных рекомендаций.

Развитие эмпатии у детей младшего школьного возраста представляет собой динамический, поэтапный процесс, в котором биологические предпосылки реализуются исключительно через социальное взаимодействие и целенаправленное обучение.

Выводы и заключение.

Ключевые выводы исследования:

- Младший школьный возраст является сензитивным периодом для перехода от реактивной (аффективной) эмпатии к полноценной трёхкомпонентной (когнитивной, аффективной и поведенческой) просоциальной эмпатии.

- Наиболее значимыми факторами положительного развития выступают: – открытая эмоциональная атмосфера в семье и безопасная привязанность; – систематическое социально-эмоциональное обучение в школе (ролевые игры, анализ эмоций литературных героев, групповые проекты, круги доверия); – ограничение неконтролируемого экранного времени; – инклюзивная образовательная среда, стимулирующая гибкость эмпатических реакций.

- Гендерные различия в проявлении эмпатии требуют дифференцированных педагогических подходов для гармоничного развития всех компонентов.

- Дефицит эмпатии в этом возрасте является серьёзным фактором риска школьной дезадаптации, участия в буллинге (как агрессора, так и жертвы), агрессивного или тревожного поведения и последующих личностных нарушений.

Заключение. Целенаправленное формирование эмпатии в начальной школе с опорой на отечественные психологические традиции (Л. С. Выготский, Л. И. Божович) и современные программы социально-эмоционального обучения является стратегической задачей российского образования. Полученные данные позволяют разработать научно обоснованные программы для профилактики рисков и повышения уровня социальной компетентности детей, что в конечном итоге способствует воспитанию эмоционально грамотного и социально ответственного поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с. (ориг. 1968).
2. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 2. – С. 5–361.
3. Гаврилова Т. П. Развитие эмпатии у детей младшего школьного возраста в условиях дистанционного обучения // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 55–66.
4. Ильин Е. П. Пол и гендер. – СПб.: Питер, 2013. – 576 с.

5. Карабанова О. А., Поскребышева Н. Н. Гендерные аспекты семейной социализации в младшем школьном возрасте // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 4. – С. 78–89.

6. Лебедева А. С. Эмпатия и буллинг в начальной школе: гендерный аспект // Современная психология и педагогика. – 2022. – № 1. – С. 112–120.

7. Марцинковская Т. Д., Иванова А. В. Цифровая социализация и развитие эмпатии у детей // Психология в цифровую эпоху. – 2024. – № 3. – С. 45–58.

8. Мудрик А. В. О полоролевом (гендерном) подходе в социальном воспитании // Народное образование. – 2007. – № 5. – С. 175–182.

9. Рубцова О. В. Нейропсихологические механизмы эмпатии у детей 7–10 лет: гендерные различия // Нейропсихология детского возраста. – 2022. – № 2. – С. 67–81.

10. Собкин В. С., Смирнова Е. О., Лыкова Т. А. Инклюзивное образование и развитие эмпатии: лонгитюдное исследование // Инклюзивное образование: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 34–49.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EMPATHY DEVELOPMENT IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Voloshenko Y. S.

The article examines the psychological features of the development of empathy in children of primary school age (7-10 years) in the context of modern Russian educational and family environment. Based on a systematic analysis of Russian scientific literature (1968-2024), three main stages of empathy formation have been identified: the dominance of reactive affective empathy (grades 1-2), the activation of the cognitive component and theory of mind (Grade 3), and the formation of integrative prosocial empathy (Grade 4). The crucial role of family, school, inclusive environment and limited screen time in the successful passage of these stages is shown. Gender differences and the risks of empathy deficiency (bullying, school maladjustment, aggression) have been identified. The necessity of introducing socio-emotional learning (SEA) programs in primary schools as a scientifically based approach to preventing socio-psychological risks and improving children's social competence is substantiated.

Keywords: empathy, primary school age, cognitive empathy, affective empathy, behavioral empathy, prosocial behavior, socialization, emotional intelligence, role interaction, inclusive environment, digital socialization, socio-emotional learning, inclusive education, digital socialization, bullying, family education.

УДК 159.9.07

ВОЗМОЖНОСТИ АРТ-ТЕРАПИИ В ОПТИМИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН ПРИ ПЕРИНАТАЛЬНОЙ ПОТЕРЕ

Кизикова Алена Владимировна,
Магистрант высшей школы психологии,
Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск, Россия

Новикова Ксения Владимировна,
Кандидат психологических наук,
доцент высшей школы психологии,
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск,
Россия

В настоящее время значительное внимание уделяется теме перинатальной потери, в том числе «привычному невынашиванию», и возможностям оказания психологической помощи женщинам при потере в перинатальной сфере. На сегодняшний день данная тема актуальна не только в медицинском сообществе, но и в психологическом, поскольку женщина после перинатальной потери может нуждаться в серьезной психологической поддержке и помощи.

В статье выявляются основные причины и психологические аспекты перинатальной потери, а также рассматривается специфика работы в перинатальной сфере с использованием различных видов и методов арт-терапии для восстановления эмоционального состояния женщин в период, как острой стадии проживания потери, так и в подготовке к последующей беременности.

Делается вывод, что коррекция эмоционального состояния женщин при перинатальной потере в групповой работе методами арт-терапии (работа с эмоциями, телесными зажимами (тазовый блок), учитывая испытываемые женщинами чувства после полученной травмы (стыд, горе, обида, разочарование в материнстве, заниженная самооценка, страх перед следующей беременностью, панические атаки и пр.) дает возможность мягкого выхода из кризиса и возвращения к полноценной жизни без негативных последствий и трудностей.

Ключевые слова: беременность, перинатальная утрата; перинатальная потеря, эмоциональное состояние, перинатальная психология, арт-терапия, арт-терапевтические методы, психологическая коррекция, арт-терапевтический процесс, групповая работа.

Актуальность исследования.

В современном обществе исследование эмоционального состояния женщин в период беременности привлекает всё больше внимания многих специалистов в области психологии. Анализ научной литературы показывает, что данная тема изучается достаточно широко, между тем, при

перинатальной потере состояние женщины рассмотрено преимущественно с психофизиологической точки зрения [13].

Согласно Герасимовой Т.Г. [1] беременность вызывает ряд негативных психоэмоциональных состояний, которые влияют на поведение беременных женщин.

Перинатальная потеря усиливает в женщине негативное психоэмоциональное состояние, которое колоссально влияет на дальнейшую жизнь женщины и семьи в целом. По факту женщина теряет не просто состояние беременности (эмбрион, плод, новорожденного ребенка), а скорее ожидаемого будущего, надежд на приобретение определенного статуса, а с психологической точки зрения – часть себя [5].

Перинатальная потеря является серьезными испытаниями для женщины и для семьи. Восстановиться самостоятельно и жить дальше бывает очень трудно. Женщина часто замыкается на своем горе, выполняя привычные функции жены, хозяйки, сотрудника на работе, – но боль никуда не уходит или притупляется со временем, нет ресурса для полноценной счастливой жизни в сложившейся ситуации. Появляется страх новой беременности, замкнутость, отстраненность, депрессия. Это лишь часть последствий, с которыми может столкнуться женщина и семья в целом [6].

Психика женщины в такой ситуации очень ранима, и нести в себе пережитые эмоции, чувства, ощущения самостоятельно очень сложно. На сегодняшний день оказание психологической помощи женщинам при перинатальной потере только развивается. Вместе с тем, это уже значительный прогресс.

Краткий обзор исследований (литературы).

При изучении научной литературы выявлено, что проблема перинатальных потерь (утрат) анализируется как правило с учетом факторов, которые продлевают и искажают проживание перинатальной потери [6]:

Медицинский фактор. По российскому законодательству плод весом менее 500 грамм и сроком меньше 22 недель беременности не отдается матери. Данный эмбрион подлежит утилизации. Соответственно, физически организовать процедуру похорон, увидеть этот плод для женщины просто не предоставляется возможным [2, с. 20]. Кроме того, в ситуации потери беременности на раннем сроке женщине не предоставляется отпуск. По трудовому законодательству РФ в случае смерти близкого родственника предоставляется три дня отпуска. Женщина после потери беременности при отсутствии показаний для предоставления ей больничного вынуждена сразу выходить на работу.

Негативным фактором при проживании перинатальных потерь является неорганизованность и неготовность отечественных медицинских учреждений и персонала работать с проблемами в перинатальной сфере, помогать и поддерживать женщин [14, с. 51]. Так, в больницах женщины, попадающие на медицинский аборт, и женщины, потерявшие ребенка, вынуждены находиться в одной палате с женщинами, лежащими на сохранении. Находясь в замкнутом пространстве, все они вынуждены так или иначе коммуницировать. Однако такое взаимодействие оказывает только негативное влияние, затормаживает проживание горя и восстановление психики после утраты.

Медицинский персонал также не владеет навыками работы с женщинами, перенесшими перинатальную утрату, не может в силу различных причин, таких как отсутствие сил и времени, а также отсутствие

специальных психологических знаний, оказать поддержку женщинам [13, с. 21].

Культурный фактор. В Российской Федерации отсутствует культура прощания с плодом, распространенная во многих западных странах, где к потере беременности относятся с уважением и с должным пониманием состояния матери, где организуются определенные ритуалы прощания с плодом, а женщина, пережившая перинатальную потерю, находится под особым вниманием и опекой как со стороны близких, так и со стороны медицинского персонала [1, с. 5].

Семейный фактор. Близкие родственники также чаще всего не могут оказать хоть какую-то поддержку при перинатальной утрате. В большинстве семей предпочитают не говорить на эту тему и делают вид, что ничего не произошло. Отношение членов семьи и родных к потере чаще всего отчужденное. Испытывая страх, бессознательно люди отдаляются от того, кто переживает горе [12, с. 32].

Зачастую женщина одна справляется с данной проблемой, потому что супруг и близкие родственники считают, что ничего страшного не произошло, в этот раз не получилось – получится в следующий, и не понимают, как и чем они могут помочь. На процесс проживания горя влияют и личностные особенности женщины, ее психологическая зрелость, отношение к беременности, наличие определенных акцентуаций характера [11, с. 118].

Физиологический фактор. Прежде всего, перинатальная утрата – это утрата физическая, т. е. это утрата осязаемого объекта, что очевидно и понятно окружающим. Второе – это утрата символическая, т. е. это утрата чего-то неосязаемого, но значимого для человека. Чаще всего символическая утрата не признается окружающими, но вызывает при этом чувства, требующие переживания и проживания. Женщины иногда больше переживают не то, что они потеряли ребенка, а то, что они потеряли свое состояние беременности, когда к ним было особое отношение, особый уход, они имели определенный статус и признание [3, с. 12].

Еще одним фактором, при перинатальной потере, является амбивалентное отношение к беременности, психологический фактор. В ситуации незапланированной беременности, когда женщина, узнав о беременности, изначально испытала шок, потом в какой-то момент испугалась, затем очень сильно захотела этого ребенка и уже привыкла к этому состоянию и смирилась, а потом вдруг резко беременность прекратилась и женщина вновь вынуждена проживать стресс, который сопровождается диаметрально изменяющимся психоэмоциональным фоном, негативными мыслями о предательстве тела, чувством стыда.

Женщины с осложненной беременностью и пережившие перинатальную утрату имеют эмоционально-личностные особенности, в отличие от соответствующих параметров у женщин с физиологической беременностью: повышенная реактивно-ситуативная тревожность; дезадаптация в ситуациях фрустрации, проявляющаяся в ослаблении контроля субъекта над эмоциональными импульсами; сужение мотивационной сферы, проявляющееся в превалировании направленности личности (на себя, на решение деловых задач, на взаимодействие с другими людьми и получение поддержки от них). Сочетание всех вышеперечисленных характеристик приводит к нарастанию у беременных таких эмоциональных проявлений, как тревожность и раздражительность [17, с. 208].

Классическая психологическая помощь не всегда приносит желаемый результат, так как в Российском обществе об этом не принято говорить вслух, тем более женщине трудно решиться на поход к специалисту-психологу, или даже просто начать разговор.

Исходя из анализа научной литературы, современная психология имеет опыт работы с подобными травмами, но лишь в одном ключе: работа с горем. И проблема перинатальных потерь рассматривается с точки зрения особенностей и динамики переживаний стадий горя, основные формы психологической помощи в ситуации перинатальной утраты (этапы горевания по Элизабет Кюблер-Росс).

Материалы и методы исследований.

Вместе с тем, практикующие психологи все чаще при работе с подобной травмой, применяют комплексный подход: работа с горем сочетается с коррекцией эмоционального состояния женщины, в частности с использованием методов арт-терапии. Однако системного подхода к решению данного вопроса в отечественной психологии не существует.

В отечественной литературе опыт применения методов арт-терапии в перинатальной сфере представлены в работах А.И. Копытина, Е.Е. Свистовской, Л.Д. Лебедевой, М.А. Чижова М.А., И.В. Добрякова, М.Е. Блох, Л.М. Фаерберг, А.Д. Жариковой и других. Ниже представлены основные понятия, характеризующие данное направление в психологии: [10, с. 72-73].

По определению Киселевой М.В., арт-терапия, «это метод развития и изменения сознательных и бессознательных сторон психики личности посредством разных форм и видов искусства» [8, с.15].

По мнению Копытина А.И.: «Арт-терапия представляет собой совокупность психологических методов воздействия, применяемых в контексте изобразительной деятельности клиента и психотерапевтических отношений и используемых с целью лечения, психокоррекции, психопрофилактики, реабилитации и тренинга лиц с различными физическими недостатками, эмоциональными и психическими расстройствами, а также представителей групп риска» [7, с. 123–124].

Выводы и заключение.

Таким образом, арт-терапия – представляет собой комплексный метод психокоррекционного воздействия, основанный на использовании различных видов творческой деятельности. Данный подход, интегрирующий элементы искусства и психологии, направлен на восстановление эмоционального равновесия, улучшение когнитивных функций и личностное развитие индивида. В рамках арт-терапии клиент взаимодействует с художественными материалами, что позволяет им выражать и исследовать свои внутренние переживания, конфликты и жизненные ситуации на символическом уровне. Арт-терапия помогает выразить свои чувства и переживания, осознать их и найти способы справиться с ними. Таким образом, арт-терапию можно считать эффективным инструментом для диагностики, терапии и профилактики психоэмоциональных расстройств.

В случае перинатальных потерь, методы арт-терапии позволяют выплеснуть горе, негодование, отчаяние и безысходность, – и в то же время увидеть перспективу мягкого выхода из кризиса и дальнейшую счастливую жизнь для матери и членов семьи без негативных последствий и трудностей.

При изучении работ различных научных деятелей, врачей, психологов по перинатальной психологии (с применением методов арт-терапии) выявлено, что в большей степени вопрос касается проблемы оказания психологической помощи беременным женщинам при вынашивании плода и

оказания психологической помощи женщинам при перинатальной потере через проживания горя.

Работа с подобными травмами – очень деликатная и глубокая тема, чем кажется на первый взгляд. На практике проживание горя (утраты) оказывается недостаточно для того, чтобы помочь женщине адаптироваться к новому состоянию, вернуть все потерянные части себя и начать "жить с чистого листа".

Поскольку после перинатальных потерь женщина теряет "ориентир", теряет смысл жизни, чаще всего утрачиваются ценности, соответственно меняется психологический климат в семье, с супругом и последствия перинатальной потери затрагивает все сферы жизни.

Использование арт-терапевтических методов рекомендуется в тех случаях, когда человек не знает, чего хочет, когда размыто представление о будущем, в состоянии присутствует некое бессилие. Методы арт-терапии являются и диагностическим материалом, и терапевтическим [9, с. 20]. И основной ресурс дается с помощью того, что внутренние переживания уже проходят через инсайт, катарсис, эстетические переживания и получение нового опыта. В процессе арт-терапии женщина чувствует себя защищенной, у нее появляется ощущение комфорта. Это достигается в том числе тем, что психолог не спрашивает у клиента напрямую о его чувствах или переживаниях, но предоставляет ему возможность косвенно выразить все свои чувства и переживания (Дарикова А.Д.) [4].

Работа с эмоциями (виной; стыдом; горем; обидой; разочарованием в себе, в материнстве; страхом перед последующими беременностями, паническими атаками и пр), и телом методами арт-терапии дает возможность более мягкого и эффективного выхода из кризиса и возможность вернуться к полноценной жизни без последствий и осложнений.

По мнению Жариковой А.Д. [6] основными признаками успешного решения задач проживания перинатальной потери методами арт-терапии являются:

- отказ женщины от навязчивой идеи забеременеть во что бы то ни стало;
- налаживание отношений с супругом;
- ослабление чувства стыда, вины и бессилия;
- снижение уровня самокритики;
- восстановление самооценности и значимости;
- сепарация от своего негативного результата в прошлом.

Вместе с тем, психологическая помощь в виде индивидуального консультирования не всегда имеет положительный эффект. Поэтому, практикующие психологи в своей работе с перинатальными потерями применяют метод групповой терапии, при котором группа людей регулярно собирается для обсуждения своих проблем и трудностей под руководством квалифицированного терапевта. Это форма терапии, которая используется на протяжении десятилетий и доказала свою эффективность в лечении различных психических расстройств.

Объединение в группу женщин, переживших эмоциональную травму, обеспечивает безопасное пространство, в котором женщины могут обсудить проблемы и получить поддержку от других людей, переживших похожие ситуации. Это может помочь им почувствовать себя признанными и понятыми, что может стать мощным стимулом для перемен [15], развить навыки преодоления и стратегии, позволяющие справиться с симптомами травмы.

Еще одно преимущество групповой терапии для женщин заключается в том, что она может помочь наладить связи и дружеские отношения, могут познакомиться с теми, кто разделяет их интересы и опыт. Кроме того, групповая терапия может помочь им развить социальные навыки и научиться эффективно общаться с другими людьми.

Таким образом, коррекция эмоционального состояния женщины методами арт-терапии в группе может способствовать улучшению психологического и физического состояния, повышению энергии, тонуса, стабилизация гормонального фона.

В дальнейшем, нами предполагается проведение научных изысканий, направленных по разработке программы по улучшению эмоционального состояния женщин, переживших перинатальную потерю. В рамках этих исследований будет разработана программа, по коррекции эмоционального состояния женщин при перинатальной потере, включающая в себя методы арт-терапии. Также будут подготовлены рекомендации для психологов, работающих в женских консультациях и родильных домах, по оказанию психологической поддержки и сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова Т. Г. Психические состояния беременных женщин и их коррекция в условиях специально организованного обучения: дис. ... канд. психол. наук / Т.Г. Герасимова. – Иркутск, 2003. – 159 с.

2. Волкан В., Зинтл Э. Жизнь после утраты. Психология горевания. – Москва: КогитоЦентр, 2014. – 170 с.

3. Добряков И. В. Перинатальная психология. – Санкт-Петербург, 2010. – 234 с.

4. Добряков И. В., Блох М. Е., Фаерберг Л. М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Журнал акушерства и женских болезней. 2015. – № 3. – С. 4–9. <https://cyberleninka.ru/article/n/perinatalnye-utraty-psihologicheskie-aspekty-spetsifika-gorevaniya-formy-psihologicheskoy-pomoschi/viewer> (дата обращения 12.12.2024).

5. Добряков И.В. Помощь при перинатальных утратах // Здоровье человека, семьи, общества. Социодинамическая парадигма в психиатрии, наркологии, психотерапии и психологии. сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием памяти профессора Цезаря Петровича Короленко. Новосибирск, 2021. С. 61–69. <https://elibrary.ru/kkibzm?ysclid=mb7vlbzt38489275448> (дата обращения 12.12.2024).

6. Жарикова А. Д. Экзистенциальные вопросы в перинатальной психологии: Методы арт-терапии в работе с перинатальной утратой // СМАЛЬТА. – 2024. – № 2. – С. 22–31. <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/4988/1/ekzistencialnye-voprosy-v-perina.pdf?ysclid=mb7vwok5r3374503330> (дата обращения 05.05.2025).

7. Копытин, А. И. Арт-терапия на рубеже веков. Санкт-Петербург: ИПП, 1999. – 346 с.

8. Киселёва М. В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. – Санкт-Петербург: Речь, 2007. – 336 с.

9. Костерина Е. М. Психологическое сопровождение перинатальных потерь // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. электронное периодическое издание. – 2011. – № 3. С. 84–97. https://perinatalinst.ru/ppprs_2011_3_3.pdf.

10. Костылева, В. А. Понятие и сущность арт-терапии / В. А. Костылева. – Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы ХСIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2024 г.). – Казань: Молодой ученый, – 2024. – С. 72-76. – URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/527/18787/> (дата обращения: 25.05.2025).

11. Лохина Е. В. Влияние психоэмоционального состояния беременной и дородовой медико-психологической подготовки на течение беременности и исход родов: дис. ... канд. мед. наук / Е.В. Лохина. – Иваново, 2013. – 178 с.

12. Маркман Е. В. Перинатальная утрата: практикум по арт-терапии. – Москва, 2020. – 112 с.

13. Новикова К.В. – Возможности применения арт-терапевтических методов в психологической коррекции эмоционального состояния девушек в период беременности // Психолог. – 2021. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2021.1.35237

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35237

14. Нормативный документ по регулированию профессиональной психотерапевтической и психологической деятельности в сфере арт-терапии (арт-психотерапии). Стандарт профессиональной психотерапевтической (психологической) помощи в сфере арт-терапии (арт-психотерапии) / Под общ. ред. Копытина А.И. – Санкт-Петербург-Москва, 2018. – 100 с.

15. Рыбакова Н.А. Психосоциальная работа с женщинами в условиях группового взаимодействия. – Москва, 2003. – 176 с.

16. Султанова И. В. Психологические аспекты перинатальных утрат // Вестник современных исследований. – 2019. № 3.11 (30). С. 168-173. https://mgimo.ru/upload/iblock/316/mr.2019.03.11.pdf?ysclid=mb7wc3fn22899636329&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения 15.04.2025).

17. Чеботарева И. С. Эмоционально-личностные особенности беременных женщин и динамика их изменений в процессе позитивной психотерапии: дис. ... канд. психол. наук / И.С. Чеботарева. – Казань, 2001. – 203 с.

THE POTENTIAL OF ART-THERAPY IN OPTIMIZING THE EMOTIONAL STATE OF WOMEN WITH PERINTANAL LOSS

Kizikova A.V., Novikova X.V.

Currently, considerable attention is being paid to the topic of perinatal loss, including "habitual miscarriage", and the possibilities of providing psychological assistance to women with loss in the perinatal sphere. Today, this topic is relevant not only in the medical community, but also in the psychological one, since a woman after a perinatal loss may need serious psychological support and help.

The article identifies the main causes and psychological aspects of perinatal loss, and also examines the specifics of working in the perinatal field using various types and methods of art therapy to restore women's emotional state during both the acute stage of loss and in preparation for subsequent pregnancy.

It is concluded that the correction of the emotional state of women with perinatal loss in group work by art therapy methods (working with emotions, body clamps (pelvic block), taking into account the feelings experienced by

women after the injury (shame, grief, resentment, disappointment in motherhood, low self-esteem, fear of the next pregnancy, panic attacks, etc. It provides an opportunity for a gentle way out of the crisis and a return to a full-fledged life without negative consequences and difficulties.

Keywords: pregnancy, perinatal loss; perinatal loss, emotional state, perinatal psychology, art therapy, art therapeutic methods, psychological correction, art therapeutic process, group work.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Киреева Елена Анатольевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования факультета педагогики и психологии, Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий

Надыргулова Шаура Абдулхаевна

Студент факультета педагогики и психологии, Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий

В статье анализируются особенности развития личности подростков из полных и неполных семей. С этой целью были использованы диагностические методики: «Методика многофакторного исследования личности» Р.Б. Кеттелла; Методика диагностики акцентуаций характера К. Леонгарда – Г. Шмишека (в адаптации Ю.В. Кортневой); «УСК» Дж. Роттера.

В процессе проведения эмпирического исследования установлено, что для подростков из неполных семей характерны возбудимость, склонность к чувству вины, высокий уровень внутреннего напряжения, доминирование демонстративного, дистимного и возбудимого типов акцентуаций характера, низкий уровень субъективного контроля.

Ключевые слова: семьи, полные семьи, неполные семьи, родители, подростки, акцентуации характера, личностные характеристики, уровень субъективного контроля.

Актуальность исследования.

В современном обществе наблюдается тенденция к трансформации семейных отношений и увеличению числа распадов семей, что существенно влияет на развитие личности подростка. Семья как главный социальный институт создает первичную среду для формирования базовых личностных качеств ребенка, где закладываются основы эмоционального интеллекта, модели поведения и социальные навыки. Именно в семье подросток получает первый опыт межличностных отношений, учится выстраивать коммуникацию, формирует представление о семейных ценностях и ролях. В полной семье есть наиболее благоприятные условия для гармоничного развития личности подростка. Присутствие обоих родителей обеспечивает стабильную эмоциональную атмосферу, обеспечивает развитие адекватной самооценки, стрессоустойчивости, творческого самовыражения и конструктивного самоутверждения, развитых навыков самоконтроля и здоровых моделей взаимоотношений с другими людьми. В таких семьях подростки легче усваивают положительные гендерные роли, что позитивно влияет на их социальную адаптацию и когнитивное развитие.

Неполные семьи, напротив, характеризуются рядом особенностей, влияющих на развитие подростка. Ограниченное родительское внимание, повышенная эмоциональная нагрузка и нестабильность семейной ситуации часто приводят к сложностям в формировании самооценки и эмоциональной регуляции. Это может проявляться в более высоком уровне тревожности, склонности к рискованному поведению и затруднениях в принятии самостоятельных решений.

Краткий обзор исследований (литературы).

Семья представляет собой особую форму социальной организации, объединяющую людей на основе брака, родственных связей или усыновления. Её отличительными чертами являются совместное ведение быта, взаимная поддержка, а также наличие морально-правовых обязательств между её членами. Как социальный институт семья обладает собственной системой правил и моделей поведения, которые определяют взаимоотношения внутри неё – между супругами и между родителями и детьми. Структура семьи играет ключевую роль в формировании личности подростка.

Изучению личностных характеристик подростков посвящены труды В.А. Аверина, Г.М. Андреевой, М.Б. Батюты, Л.И. Божович, Г.М. Бреслава, Л.С. Выготского, В.Г. Казанской, Г.И. Каплана, А.А. Катерининой, К. Левина, С. Молчанова, А.В. Остаповой, Е.А. Полякова, А.М. Прихожан, Х.У. Рашидова, Х. Ремшмидта, Н.Н. Толстых, Д.И. Фельдштейна, Д.Б. Элькониной. Эти авторы внесли значительный вклад в понимание различных аспектов подросткового возраста, включая формирование личности, социальные взаимодействия и психологические особенности.

Психологические особенности подростков из полных и неполных семей рассматриваются в работах С.Г. Бобровой, Е. В. Горбуля, Л.В. Доманецкой, В.В. Евграфова, А.Г. Желяповой, В.В. Ивлевой, О.А. Карабановой, С.В. Ковалева, Н.С. Кураженковой, Е.В. Минич, Л.А. Никитиной, М.В. Никонорова, К.В. Радецкой, А.А. Сухопаровой, Е.И. Холостовой, В.В. Чечета, Л.Б. Шнейдера. Исследования данных авторов предоставляют глубокое понимание того, как структура семьи влияет на личностное развитие подростков, выявляя различные аспекты воспитания в полных и неполных семьях.

Согласно Н.Н. Толстых и А.М. Прихожан, подростковый возраст охватывает период с 10-11 до 14-15 лет и связан с переходом от детства к взрослости. Центральное место в жизни подростка занимает общение со сверстниками, при этом наблюдаются различия в сроках созревания и формировании личности у разных подростков. Кроме того, в этот период возникают субъективные и объективные трудности как для самого подростка, так и для его воспитания [9, с. 32].

В.Г. Казанская подчеркивает, что «подростковый возраст является ключевым этапом в развитии и формировании личности. В этот период значительно расширяется сфера деятельности, меняется ее характер, закладываются основы сознательного поведения и формируется направленность в развитии нравственных представлений и убеждений» [6, с. 39].

Следовательно, подростковый возраст представляет для личности человека критический период перехода от детства к взрослости, который характеризуется физическими, психологическими и социальными изменениями. В это время происходит половое созревание, развитие самосознания и освоение новых социальных ролей, что сопровождается достижениями в накоплении знаний, формировании нравственности и

обретении личной идентичности. Этот этап также связан с потерями детского мироощущения и увеличением ответственности, что может вызывать у подростков сомнения и тревожность. Понимание и поддержка со стороны родителей необходимы в этот непростой, но важный период жизни, способствуя формированию зрелой и уверенной в себе личности.

Несмотря на значительное влияние сверстников на подростков, важную роль в развитии личности и становлении характера играет семья. Семья представляет собой систему разнообразных отношений: психоэмоциональных, морально-нравственных, отношений взаимной зависимости, ответственности и привязанности. Она является ключевым и наиболее влиятельным фактором в процессе социализации. Основная социальная функция семьи заключается в воспитании и развитии детей, а также в их социализации.

Согласно Е.В. Минич, определяющая роль семьи в формировании личности обусловлена ее глубоким воздействием на весь комплекс физической и духовной жизни растущего человека. Семья для ребенка служит одновременно и средой обитания, и воспитательной средой. То, как строятся отношения в семье и какие ценности, и интересы преобладают у старших членов, напрямую влияет на то, какими вырастут дети. Любые изменения, происходящие в семейном кругу, неизбежно отражаются на личности ребенка [7, с. 22].

В.В. Евграфов, В.В. Ивлева, К.В. Радецкая, Е.В. Минич считают, что семья оказывает огромное влияние на развитие личности подростка. Важным средством воспитания психологически здоровых отношений является личный пример родителей, их взаимное уважение, помощь и забота. Когда дети видят гармоничные отношения в родительской семье, они, став взрослыми, стремятся к таким же здоровым взаимоотношениям в своей молодой семье.

Семья представляет собой важнейшую среду развития ребенка, определяющую его будущую социальную траекторию и положение в обществе. Особенности семейной жизни напрямую влияют на формирование детских ожиданий, ролевого поведения, системы убеждений, паттернов взаимоотношений и жизненного опыта в целом. Влияние семейного окружения распространяется на все сферы развития ребенка: от физического здоровья до когнитивных способностей, от эмоциональной стабильности до социальных навыков. Характер взаимодействия между членами семьи создает уникальную динамику, которая существенно сказывается на становлении личности ребенка. В семейной системе каждый ее участник выполняет определенные функции и роли [3, 5].

По мнению Е. И. Холостовой, полная семья традиционно определяется как семья, в которой проживают оба родителя и их дети. Такое семейное устройство обычно обеспечивает ребенку разнообразный опыт взаимодействия и поддержку со стороны обоих родителей, что способствует его гармоничному развитию. Неполная семья, в свою очередь, состоит из одного родителя и его детей. В таких семьях один родитель берет на себя обязанности обоих, что может создавать определенные трудности, но также может способствовать развитию у детей самостоятельности и ответственности [10].

В полных семьях дети демонстрируют здоровую самооценку и эмоциональную стабильность, что обусловлено комплексной поддержкой со стороны обоих родителей. В то же время в семьях с одним родителем подростки могут испытывать дефицит эмоциональной поддержки, что нередко приводит к сложностям в построении социальных отношений.

Материалы и методы исследований.

Эмпирическое исследование проводилось на базе общеобразовательных школ города Стерлитамак Республики Башкортостан. Выборку составили подростки (14-15 лет) в количестве 100 человек, из них 50 человек – подростки из полных семей и 50 человек – подростки из неполных семей.

С целью изучения особенностей личностных характеристик подростков из полных и неполных семей было проведено эмпирическое исследование. В работе нами был задействован следующий диагностический инструментарий: «Методика многофакторного исследования личности» Р.Б. Кеттела; Методика диагностики акцентуаций характера К. Леонгарда – Г. Шмишека (в адаптации Ю.В. Кортневой); «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера. Применение данных методик позволяет изучить особенности личности и акцентуации характера, а также определить уровень субъективного контроля подростков из полных и неполных семей.

Для выявления статистически значимых различий личностных характеристик подростков из полных и неполных семей был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни, качественный анализ результатов исследования.

Результаты и их обсуждение.

Анализ результатов по «Методике многофакторного исследования личности» Р.Б. Кеттела (в адаптации А.А. Рукавишникова, М.В. Соколовой) свидетельствует, что для подростков из полных семей характерны более высокий уровень эмоциональной устойчивости ($U_{эмп}=989,500$ при $p \leq 0,05$), доминирование ($U_{эмп}=968,500$ при $p \leq 0,05$), дипломатичность ($U_{эмп}=1001,500$ при $p \leq 0,05$), высокий уровень принятия моральных норм ($U_{эмп}=872,50$ при $p \leq 0,01$), самоконтроль ($U_{эмп}=924,500$ при $p \leq 0,05$).

Для подростков из неполных семей характерны возбудимость ($U_{эмп}=956,500$ при $p \leq 0,05$), склонность к чувству вины ($U_{эмп}=964,500$ при $p \leq 0,05$), высокий уровень внутреннего напряжения ($U_{эмп}=892,500$ при $p \leq 0,01$).

По методике диагностики акцентуаций характера К. Леонгарда – Г. Шмишека (в адаптации Ю.В. Кортневой) установлено, что для подростков из полных семей характерны такие типы акцентуации характера, как циклотимный ($U_{эмп}=943,500$ при $p \leq 0,05$) и эмотивный ($U_{эмп}=989,500$ при $p \leq 0,05$), а для подростков из неполных семей – демонстративный ($U_{эмп}=872,500$ при $p \leq 0,01$), дистимный ($U_{эмп}=968,500$ при $p \leq 0,05$), возбудимый ($U_{эмп}=999,500$ при $p \leq 0,05$).

Кроме того, у подростков из полных семей наблюдаются высокие значения уровня субъективного контроля ($U_{эмп}=912,500$ при $p \leq 0,01$), а для подростков из неполных семей характерны более низкие значения уровня субъективного контроля по методике УСК (автор–Дж. Роттер).

Выводы и заключение.

Различия в личностных характеристиках подростков обусловлены особенностями семейной структуры. В полных семьях создается более благоприятная атмосфера для развития ребенка, где оба родителя, создавая структурированную среду, обеспечивают необходимую эмоциональную поддержку. Это положительно влияет на формирование у подростков таких качеств как эмоциональная устойчивость, спокойствие и самоконтроль. В полных семьях также легче устанавливаются и усваиваются четкие моральные ориентиры, что способствует их принятию подрастающим поколением.

В то же время подростки из неполных семей часто сталкиваются с стрессовыми ситуациями, что негативно сказывается на формировании

способности к самоконтролю и эмоциональной устойчивости. Отсутствие одного из родителей порождает чувство незащищенности и неуверенности, что приводит к развитию таких черт как повышенная возбудимость, подчиненность, неуверенность в себе, чувство вины. Кроме того, в неполных семьях зачастую наблюдается меньшая структурированность семейной системы, что затрудняет усвоение и принятие подростками моральных норм и правил поведения.

Таким образом, семья является ключевым фактором в воспитании подростков, оказывая глубокое воздействие на его развитие. В полной семье дети имеют возможность наблюдать и усваивать положительные образцы поведения родителей, что способствует их успешной социализации и гармоничному развитию личности. Однако, специфика жизнедеятельности неполных семей часто приводит к негативным последствиям, таким как деформация морально-эмоционального развития, появление отрицательных качеств, уменьшение круга знаний и интересов, а также сужение сферы общения и взаимоотношений. Несмотря на эти трудности, неполные семьи могут обеспечить полноценное воспитание, если родитель ответственно относится к развитию ребенка, осознавая важность создания благоприятных условий для его всестороннего роста и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбуля Е. В. Семейные кризисы: практическое пособие / Е. В. Горбуля. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 280 с.
2. Доманецкая Л.В. Психология семьи и семейного воспитания: учебное пособие / Л.В. Доманецкая – Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013. – 212 с.
3. Евграфов В.В. Полные и неполные семьи: особенности взаимоотношений и влияние на детей // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. – 2022. – С. 369-371.
4. Желяпова А.Г. Особенности воспитания подростков из полных и неполных семей // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований. – 2022. – С. 825-828.
5. Ивлева В.В. Психология семейных отношений / В.В. Ивлева. – М.: Букмастер, 2022. – 352 с.
6. Казанская В.Г. Психологические особенности кризисов подростка. Учебное пособие/ В.Г. Казанская. – М.: Инфра-М, 2018. – 245 с.
7. Минич Е.В. Влияние полной и неполной семьи на развитие и формирование личности ребенка / Е.В. Минич. – М.: Логос, 2014. – 236 с.
8. Радецкая К.В. Особенности формирования личности ребенка в неполной семье // Молодой ученый. – 2023. – №6. – С. 721-724.
9. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 446 с.
10. Холостова Е. И. Социальная работа: учебник для вузов / Е. И. Холостова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 746 с.

FEATURES OF PERSONALITY CHARACTERISTICS OF TEENAGERS FROM COMPLETE AND SINGLE-PARENT FAMILIES

Kireeva E.A., Nadyrgulova S.A.

This article analyzes the developmental characteristics of adolescents from complete and single-parent families. The following diagnostic methods were used: R.B. Cattell's "Method of Multifactorial Personality Study"; K. Leonhard-G. Shmishek's Method of Character Accentuation Diagnostics (adapted by Yu.V. Kortneva); and J. Rotter's "USK."

The empirical study revealed that adolescents from single-parent families are characterized by excitability, a tendency toward guilt, high levels of internal tension, a predominance of demonstrative, dysthymic, and excitable types of character accentuations, and a low level of subjective control.

Keywords: families, complete families, single-parent families, parents, adolescents, character accentuations, personality traits, level of subjective control.

УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ УЧАСТНИКАМ СВО И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Кондрашихина Оксана Александровна

Доцент кафедры «Психология», канд. психол. н., доцент,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
г. Севастополь, Россия

В статье представлен обзор современных исследований по проблеме оказания психологической помощи участникам специальной военной операции (СВО) и членам их семей. Материалы взяты с сайтов электронных научных библиотек за период 2022-2025 г.г. Систематизированы исследования по таким аспектам данной проблемы, как: кризисные состояния, посттравматические стрессовые расстройства у военнослужащих, мобилизованных граждан и добровольцев; особенности и ресурсы реабилитации и реадaptации военнослужащих, участников СВО; помощь семьям участников СВО; помощь косвенным участникам, а именно, населению, специалистам помогающих профессий; возможности психологической диагностики как необходимого этапа реабилитации и реадaptации участников СВО и членов их семей. Определены области исследований, которые нуждаются в интенсивном развитии – поиск ресурсов реадaptации, адаптации и реабилитации участников специальной военной операции.

Ключевые слова: психологическая помощь, реабилитация, реадaptация, исследования, участник, специальная военная операция, семья.

Актуальность исследования.

Оказание психологической помощи участникам специальной военной операции (СВО) является важнейшей научно-практической задачей современной психологии. Для эффективности оказания данной психологической помощи, необходимо выяснить, какие существуют дефицитарные зоны в исследовании проблемы. В отечественной психологии имеются исследования, посвященные анализу проблем медицинской реабилитации (А.Я.Фисун, А. М. Щегольков, В. Е. Юдин [1], А. М. Шелепов, С. И. Леоник, С. В. Русева [2]). Однако на настоящий момент существует потребность в систематизации актуальных исследований по проблеме.

Цель статьи – систематизировать исследования по проблеме психологической помощи участникам СВО, членам их семей и косвенных участников СВО.

Краткий обзор литературы.

Анализ публикаций по сайтам электронных российских библиотек, прежде всего, eLibrary, показал значительное количество публикаций по теме исследования и позволил выделить следующие направления работ за период 2022-2025 г.г.: работы, посвященные кризисным состояниям, посттравматическому стрессовому расстройству (далее – ПТСР) у

военнослужащих, мобилизованных граждан и добровольцев; ресурсам и особенностям реадaptации, адаптации и реабилитации участников СВО; психологической помощи семьям участников СВО, населению, специалистам помогающих профессий; психологической диагностике психоэмоциональных состояний как необходимый этап реабилитации и реадaptации участников СВО и членов их семей.

Материалы и методы исследования.

На основе методов научного исследования (анализа, обобщения, систематизации) были проанализированы научные публикации в электронных библиотеках и, прежде всего, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU – крупнейшего российского информационно-аналитического портал в области науки, технологии, медицины и образования за период 2022-2025 г.г.

Результаты и их осуждение.

1. Работы, посвященные кризисным состояниям, ПТСР у военнослужащих, мобилизованных граждан и добровольцев.

В работе О. А. Лубенской приводятся данные нервно-психического напряжения военнослужащих ДНР с боевым опытом и без боевого опыта, выявлено более негативное эмоциональное состояние военнослужащих [3], которые впервые участвуют в военном конфликте. В исследовании А.В.Носова и Д.А.Носовой [4] представлены результаты анализа признаков негативных психоэмоциональных состояний (депрессии, тревожности) тяжело раненых ветеранов СВО с ампутацией конечностей, признаки ПТСР (посттравматического стрессового расстройства), предпринята попытка типологизировать психоэмоциональные состояния ветеранов. Исследуются особенности совладающего со стрессом поведения и социально-психологические детерминанты отклоняющегося поведения участников СВО (М. Б. Кувшинникова [5], А. Л. Цветкова, Е. Д. Жердин [6]). Л. В. Гурылева, И. А. Семенова, М. М. Силакова, А. И. Федоров описывают специфические особенности психоэмоционального статуса участников СВО, находящихся на реабилитации, сравнивая с эмоциональным статусом студентов призывного возраста [7]. Наибольшие различия между участниками наблюдаются в отношении используемых копинг-стратегий и особенностей временной перспективы: для военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, характерно нарушение временной перспективы: отсутствие либо слабая согласованность между прошлым, настоящим и будущим.

Т. А. Грунина, Э. В. Шурупов, Л. И. Ивахненко подчеркивают, что посттравматический синдром – это центральное звено в проблеме адаптации участников военных действий к гражданской жизни [8]. В своей статье они представляют результаты психологического обследования военнослужащих, переживших боевой стресс, систематизируют причины возникновения посттравматического стрессового расстройства у участников военных конфликтов, последствия боевой травмы и возможные методы психологической реабилитации. Т. И. Бородина, Е. М. Либова описывают признаки ПТСР, которые могут быть маркированы в ходе беседы с использованием наводящих вопросов психолога: инсомнии, «вина выжившего», флешбэки, гипербдительность; эмоциональная притупленность в сочетании с агрессивными реакциями и приступами ярости; нарушение мнестических и attentionных функций; депрессия и генерализованная тревожность; мысли о суициде; аддикции [19]. Кокорева М. Е. на основе работ специалистов в области военной психологии и медицины, показывает, что кризис идентичности у военнослужащих после возвращения к гражданской жизни является следствием опыта, полученного в ходе участия в боевых

действиях. Данный кризис может проявляться в эмоциональном дистанцировании, неуверенности в себе, социальной самоизоляции, снижении социальной активности [10]. В указанных исследованиях также лейтмотивом проходит мысль о необходимости совершенствования психодиагностического инструментария диагностики психоэмоциональных состояний участников СВО.

2. Ресурсы реадaptации, адаптации и реабилитации участников СВО становятся предметом исследования в работах О. А. Лубенской, которая рассматривает как ресурс толерантность к неопределенности и анализирует ее выраженность у комбатантов СВО [3], А. А. Тепловой, которая подчеркивает роль социальных коммуникаций в реадaptации комбатантов СВО [11], В.В.Мельниченко, описывающей значение адаптивных видов копинга [12]. В.В.Мельниченко также выявила, что, такие формы копинга, как подавление эмоций, агрессивность, приводили к утяжелению психоэмоциональных последствий боевой психической травмы, неспособности снимать эмоциональное напряжение, открыто и адекватно выражать свои чувства, отстранению от эмоционального переживания проблем, неготовности к доверительным взаимоотношениям. Между тем, конструктивные, зрелые варианты копинга (решение проблемы в совокупности с принятием ответственности и планированием) являются ресурсами участников СВО, оказавшихся в условиях экстремального стрессового воздействия [13].

3. Работы, посвященные особенностям реабилитации и реадaptации военнослужащих, участников СВО. В работе северокавказских исследователей (И. В. Султанова, И. В. Пароньянц, С. С. Дулида) описана компонентная модель оказания социально-психологической помощи участникам СВО [14]. Данная модель включает в себя три блока. Первый – когнитивный социальный (направления работы, которые относятся к этому блоку: преодоление чувства неполноценности и восстановление чувства собственного достоинства, восстановление нарушенной временной протяженности интегрированности, целостности Я-концепции, повышение внутреннего локуса контроля в восприятии собственной жизни, снижение внутренней амбивалентности). Второй блок – духовный (поиск жизненных смыслов, которые могут стать опорой в дальнейшем развитии личности.). Третий – также эмоционально-личностный блок (работа над эмоциональным отреагированием воспоминаний, связанных с психотравмирующими событиями, снижение чувства тревоги, раздражения, нивелирование гнева и враждебности, вины и изолированности, повышение чувства общности) [14].

Т. А. Грунина, Э. В. Шурупов, Л. И. Ивахненко подчеркивают, что посттравматический синдром является центральным звеном в проблеме адаптации участников военных действий к гражданской жизни. В своей статье они представляют анализ возможных методов психологической реабилитации [8]. Авторы указывают, что на настоящий момент для лечения ПТСР отсутствуют всеми принимаемый алгоритм процесса и результата. Авторы выделяют принципы работы (принцип нормальности, принцип раннего выявления стресс-ассоциированных расстройств, доступности психолого-психиатрической помощи, принцип партнерства, повышения достоинства личности и сопровождения на всех этапах лечения и реабилитации, принцип комплексности в оказании медико-психологической помощи).

М.Е.Кокорева подчеркивает значимость социально-психологической поддержки участников СВО и членов их семей, а именно: работа специалистов по социальной работе, которые, наряду с медицинскими

интеракциями, осуществляют социально-психологическую адаптацию военнослужащих, подготавливают к будущей профессиональной деятельности, информируют в отношении социальных льгот, гарантий [10]. Включение ветеранов в деятельность военно-патриотических объединений, организация адресной помощи участникам СВО и членам их семей, организация санаторного лечения и пр. могут стать направлением работы специально созданного центра комплексной реабилитации участников СВО и членов их семей. Т. И. Бородина, Е. М. Либова приводят алгоритм работы психолога с участниками СВО, который может быть представлен в следующем виде [9]:

- первичная индивидуальная консультация: (запрос и скрининг);
- самодиагностика клиента предлагаемым диагностическим инструментарием;
- анализ результатов: осознание клиентом своего состояния;
- рекомендации по дополнительной помощи и реабилитации.

Говоря о реабилитации и реадaptации участников СВО, Н. С. Ракшина, О. В. Руденко, Е. В. Соколова пишут о задаче интеграции участников СВО в образовательный процесс и студенческую жизнь: в реализации этого процесса могут существенно помочь проектирование, разработка и внедрение электронных онлайн-курсов, получение дополнительного профессионального образования [15].

4. Психологическая помощь семьям участников СВО

О. А. Чеховская пишет о специфике психических состояний детей в условиях СВО, подчеркивает, что профилактика негативных последствий стресса крайне важна для неокрепшей детской (подростковой) психики, ведь у подростков еще нет жизненного опыта преодоления трудных жизненных ситуаций, и, если не оказывать таким подросткам психологическую помощь, высока вероятность патологических форм реагирования и закрепления неконструктивных копинг-стратегий [16].

Выраженные страх, тревога за жизнь и здоровье близких на фоне экзистенциальной неопределенности являются частыми переживаниями членов семьи участников СВО. Поэтому содействие в формировании адаптивного стиля совладания, повышение адаптивности в условиях неопределенности являются целью психологического сопровождения в данном случае [17]. Следующей значимой задачей является осознание значения семьи как источника мобилизации как для военнослужащих, так и для членов их семей. Изменение восприятия неблагоприятной ситуации от полюса безысходности к полюсу относительной контролируемости, адаптация к условиям дистресса – вот тот результат, который может быть получен при поддержке семьи. При этом, установка на активное совместное преодоление трудностей жизненно важна как для военнослужащих, так и для их близких.

Н.В.Дейнека проводит исследование, в котором анализировал психоэмоциональное состояние жен военнослужащих (кадровых военных, мобилизованных и добровольцев) [18]. В результате было выявлено, что у жен мобилизованных и добровольцев уровень ситуационной тревожности выше по сравнению с кадровыми военными. Кроме того, качество жизни женщин заметно снижается под влиянием таких личностных характеристик, как робость и застенчивость, нерешительность, интроверсия, эмоциональная сдержанность, чрезмерная эмпатийность к проблемам окружающих и готовность оказывать помощь, несмотря на недостаток внутренних и материальных ресурсов. Обмен опытом и эмоциями с другими женщинами в аналогичной ситуации может облегчить психологическое состояние. В статье

Р.Н.Киселевой емко описываются те проблемы, с которыми могут столкнуться в процессе оказания психологической помощи семьям участников СВО, специалисты помогающих профессий: дезадаптация семьи имеет определенную платформу, помимо самих событий, связанных с СВО [19]. Это, прежде всего, внутренний кризис в некоторых семьях, попыткой преодолеть который, доказать свою мужественность, значимость, явилось одной из причин участия в СВО, где этот кризис усугубляется внутрисемейными конфликтами бойца, неадекватным восприятием опасности, латентным суицидальным поведением и пр. После возвращения из СВО такие семьи сталкиваются с проблемами агрессии, аддикций, ПТСР, депрессий и пр., и далеко не все семьи могут выйти из состояния дезадаптации. В. В. Шепелева, О. Б. Нестеренко в своей статье «Модель клиничко-психологического сопровождения членов семей военнослужащих, участвующих в специальной военной операции» [20] выделили следующие задачи клиничко-психологического сопровождения членов семей военнослужащих, участвующих в специальной военной операции: диагностика и коррекция негативного психоэмоционального фона, формирование установки к лечению, активному участию в психотерапии и психокоррекции, формирование мотивации на улучшение качества жизни и здоровья; в их статье описаны основные принципы такой работы (непрерывности, гуманности и пр.).

6. Психологическая диагностика как необходимый этап реабилитации и реадaptации участников СВО и членов их семей. Недооценка посттравматических стрессовых состояний может значительно снижать эффективность проводимого лечения, ухудшать прогноз и негативно сказываться на дальнейшей жизни и социальной адаптации, что необходимо учитывать при проведении психотерапевтических и психокоррекционных мероприятий. На настоящий момент наиболее часто используется следующий психодиагностический инструментарий:

- Миссисипская шкала посттравматического стрессового расстройства для оценки степени выраженности посттравматических стрессовых реакций. Включает определение симптомов вторжения, избегания, физиологической возбудимости, чувства вины и суицидальности;

- Психометрическая методика для скрининговой оценки посттравматических стрессовых нарушений у лиц опасных профессий «Шкала САПСАН» (Лазебная Е.О., Зеленова М.Е., Захаров А.В.), предназначена для оценки выраженности психологических, психофизиологических и поведенческих нарушений;

- Структурированное клиническое диагностическое интервью;

- Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) – клиническая тестовая методика, направленная на выявление симптомов ПТСР;

- Шкала оценки интенсивности боевого опыта Т. Кина;

- Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич) предназначен для диагностики уровня тревожности, склонность к депрессии, астении, фобии, навязчивых состояний;

- Шкала диссоциации – опросник, диагностирующий проявления амнезии, деперсонализации, дереализации, абсорбции и погруженности в воображение;

- Госпитальная шкала тревоги и депрессии;

- опросник «Уровень невротизации» Л.И. Вассермана и др., предназначенный для диагностики уровня невротизации личности;

- методика «Реабилитационный потенциал личности» (И.Ю. Кулагина, И.В. Сенкевич).

Выводы и заключение.

Таким образом, осуществленный анализ научных публикаций по проблеме психологической помощи участникам СВО и членам их семей позволяет отметить значительное количество исследований, осуществленных по таким направлениям, как кризисные состояния, ПТСР у военнослужащих, мобилизованных граждан и добровольцев; особенности реабилитации и реадaptации военнослужащих, участников СВО; помощь семьям участников СВО, населению, специалистам помогающих профессий; психологическая диагностика как необходимый этап реабилитации и реадaptации участников СВО и членов их семей. При этом относительно дефицитными областями исследований остаются поиск ресурсов реадaptации, адаптации и реабилитации участников СВО. Учитывая большую социальную значимость проблемы, рассмотрение ресурсов адаптации, реадaptации и реабилитации в качестве предмета исследований представляется перспективным и актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Система медицинской реабилитации в Вооруженных Силах: история, современность и перспективы развития / А. Я. Фисун, А. М. Щегольков, В. Е. Юдин [и др.] // Военно-медицинский журнал. – 2009. – Т. 330, № 8. – С. 11-15.
2. Шелепов А. М. Методологические и организационные проблемы реабилитации раненых и больных / А. М. Шелепов, С. И. Леоник, С. В. Русева // Вестник Российской Военно-медицинской академии. – 2009. – № 4(28). – С. 186-194. – EDN KYKNJD.
3. Лубенская О. А. Особенности нервно-психического напряжения у комбатантов СВО / О. А. Лубенская // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2023. – № 2(62). – С. 62-64. – EDN UDGVSH.
4. Носов А. В. Особенности психологического состояния ветеранов СВО, получивших тяжелые ранения (ампутации конечностей) / А. В. Носов, Д. А. Носова // Российский военно-психологический журнал. – 2024. – № 4(6). – С. 89-95. – DOI 10.25629/RMPJ.2024.04.10. – EDN YVQVDY.
5. Кувшинникова М. Б. Социально-психологические детерминанты отклоняющегося поведения участников СВО / М. Б. Кувшинникова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2025. – № 6(244). – С. 260-266. – DOI 10.5930/1994-4683-2025-6-260-266. – EDN LJQHCG.
6. Цветкова А. Л. Особенности совпадающего поведения со стрессом у военнослужащих с опытом участия в СВО / А. Л. Цветкова, Е. Д. Жердин // Актуальные проблемы психологии воинской деятельности : Материалы XIV итоговой международной военно-научной конференции, Москва, 12 апреля 2024 года. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2024. – С. 51-54.
7. Из опыта исследования психоэмоционального состояния военнослужащих, проходящих медицинскую реабилитацию после участия в СВО / Л. В. Гурылева, И. А. Семенова, М. М. Силакова, А. И. Федоров // Человеческий капитал. – 2024. – № 10(190). – С. 111-120. – DOI 10.25629/HC.2024.10.12. – EDN RMHACN.
8. Грунина Т. А. Реабилитация военнослужащих, участников СВО. Клинико – психологический аспект / Т. А. Грунина, Э. В. Шурупов, Л. И. Ивахненко // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной

индустрии. – 2024. – № 2. – С. 45-54. – DOI 10.17238/issn1999-2351.2024.2.45-54. – EDN BSUZYB.

9. Бородина Т. И. Психологическая помощь в адаптации к мирной жизни участников СВО / Т. И. Бородина, Е. М. Либова // Медицинская психология в России. – 2025. – Т. 17, № 1(86). – С. 43-49. – EDN TXGYOF.

10. Кокорева М. Е. Социальная реабилитация военнослужащих, участников СВО и их семей / М. Е. Кокорева // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 6. – С. 33-36. – EDN EENIGC.

11. Теплова А. А. Роль развития социальных коммуникаций в реадаптации комбатантов СВО / А. А. Теплова // Вопросы всестороннего обеспечения выполнения служебно-боевых задач войск национальной гвардии в условиях современных вызовов: Сборник научных статей научно-практической конференции, Саратов, 18 мая 2024 года. – Саратов: Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии РФ, 2024. – С. 52-56. – EDN SDZQTV.

12. Мельниченко В. В. Ресурсы адаптации к травматическим стрессорам у комбатантов – участников СВО / В. В. Мельниченко // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2023. – № 2(62). – С. 20-26. – EDN VSUVDP.

13. Мельниченко В. В. Ресурсы копинговой адаптации к травматическим стрессорам у комбатантов – участников СВО / В. В. Мельниченко // Современные подходы психиатрии, психотерапии и клинической психологии к диагностике и коррекции патологии человека : Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, Курск, 30–31 мая 2023 года / Сост. И.А. Бельских, отв. редактор Д.В. Плотников. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2023. – С. 157-160.

14. Султанова И. В. Модель оказания социально-психологической помощи участникам СВО / И. В. Султанова, И. В. Пароньянц, С. С. Дулида // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 146-158. – EDN PPWCDM.

15. Ракшина Н. С. Внедрение онлайн-технологий и электронных образовательных курсов в образовательный процесс для обучения и повышения квалификации студентов-участников специальной военной операции (СВО) / Н. С. Ракшина, О. В. Руденко, Е. В. Соколова // Актуальные вопросы развития российской фармации – Ильинские чтения : Материалы XIII ежегодной межвузовской межрегиональной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября – 01 2023 года. – Санкт-Петербург: Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, 2024. – С. 123-126. – EDN HUNUZU.

16. Чеховская О. А. Особенности психических состояний и стрессоустойчивости детей в условиях совместного проживания в ситуации СВО / О. А. Чеховская // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 11(80). – С. 1023-1037. – EDN RTIESO.

17. Озерова, Л. Профессиональная тактика работы психолога с членами семьи участника СВО / Л.Озерова // Психологическая газета «Золотая лестница» URL: <https://psygazeta.ru/rubriki/krizisnaya-psikhologiya-i-psikhoterapiya/4087-professionalnaya-taktika-pri-rabote-psikhologa-s-chlenami-semi-uchastnika-svo.html> (Дата обращения 20.10.2025)

18. Дейнека Н. В. Эмоциональное состояние и особенности адаптации жен участников СВО / Н. В. Дейнека // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2025. – № 5(243). – С. 269-275. – DOI 10.5930/1994-4683-2025-269-275. – EDN EWEPMS.

19. Киселева Р. Н. Современные аспекты оказания социально-психологической помощи семьям участников СВО / Р. Н. Киселева // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества : материалы XV Международной научно-практической конференции, Рязань, 17–18 октября 2024 года. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2024. – С. 130-134. – EDN TYTQQL.

20. Шепелева В. В. Модель клинико-психологического сопровождения членов семей военнослужащих, участвующих в специальной военной операции / В. В. Шепелева, О. Б. Нестеренко // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 12(81). – С. 1514-1521. – EDN SDOLUZ.

**PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO SMO PARTICIPANTS
AND THEIR FAMILY MEMBERS AS A SUBJECT
OF SCIENTIFIC REFLECTION**

Kondrashikhina O.A.

This article presents an overview of current research on providing psychological assistance to special military operation (SMO) participants and their families. The materials were taken from the websites of electronic scientific libraries for the period 2022-2025 y. It systematizes research on such aspects of this problem as: crisis states, post-traumatic stress disorder in military personnel, mobilized citizens, and volunteers; characteristics and resources for the rehabilitation and readaptation of military personnel and SMO participants; assistance to the families of SMO participants; Assistance to indirect participants, namely, the general public and specialists in helping professions; the potential for psychological assessment as a necessary stage of rehabilitation and readaptation for special military operation participants and their families. Currently deficient areas of research are identified – the search for resources for readaptation, adaptation, and rehabilitation of special military operation participants.

Keywords: psychological assistance, rehabilitation, readaptation, research, participant, special military operation, family.

УДК. 37.015.3

ПОДРОСТКОВАЯ ДЕСТРУКТИВНОСТЬ В СТЕНАХ ШКОЛЫ: ВЫЗОВ ДЛЯ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ

Магомадова Лидия Руслановна,
Аспирант,

Московский Психолого-Социальный Университет, г. Москва

Статья посвящена анализу феномена подростковой деструктивности в условиях современной школы, которая отражает широкий спектр социальных и психологических проблем общества. Рассматриваются основные проявления деструктивного поведения, такие как буллинг, вандализм, делинквентные поступки, академическое сопротивление, а также аутоагрессия и аддиктивные тенденции. Особое внимание уделено психологическим функциям деструктивности (протестной, компенсаторной, коммуникативной) и ее корням в кризисе идентичности подросткового возраста. Автор подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению проблемы, включая внедрение программ профилактики, использование восстановительных практик, правовое просвещение и создание поддерживающей среды в образовательных учреждениях. Предложенные стратегии направлены на минимизацию негативных последствий деструктивного поведения и формирование конструктивных способов самовыражения у подростков.

Ключевые слова: подростковая деструктивность, подростковый возраст, буллинг, кибербуллинг, вандализм, делинквентное поведение, академическая деструктивность, аутоагрессия, аддикции, школьная среда, профилактика и коррекция.

Актуальность исследования.

Современная школа, являясь микромоделью общества, сталкивается со всем спектром его проблем. Одной из наиболее острых и дестабилизирующих является проблема подростковой деструктивности – целенаправленного поведения, наносящего ущерб материальным объектам, социальным связям и психологическому благополучию участников образовательного процесса. Это поведение проявляется в разнообразных формах: от открытой агрессии и буллинга до скрытого вандализма и деструктивного влияния в социальных сетях. Подобные вызовы требуют от педагогов и психологов не только оперативного реагирования, но и глубокого понимания генезиса деструктивности, а также разработки комплексных стратегий ее профилактики и коррекции.

Краткий обзор исследований (литературы).

Подростковый возраст – это период значительных изменений и самоопределения, однако он также сопровождается рисками, связанными с деструктивным поведением, склонностью к спорам, дискуссиям, отвлеченным рассуждениям. [2, с. 30] Научные проблемы, связанные с деструктивным поведением человека, стали объектом исследований достаточно давно, ещё до появления психологии как самостоятельной научной дисциплины. В контексте подростковой поведенческой

проблематики термин «деструктивное поведение» (от лат. destructivus – разрушительный) является наиболее интегральным и релевантным, так как охватывает широкий спектр действий, объединенных общей чертой – направленностью на нарушение гармоничного функционирования системы, будь то личность подростка, социальные отношения или окружающая среда.

Подростковая деструктивность – это не единичный поведенческий акт, а сложный симптомокомплекс, коренящийся в кризисе идентичности, характерном для данного возрастного этапа. Ведущей деятельностью в этот период становится общение со сверстниками, а ключевой задачей – сепарация от родителей и формирование «Я-концепции». На этом фоне деструктивное поведение может выполнять несколько психологических функций [6, с. 362]:

- протестная функция: вызов общественным нормам как способ самоутверждения и демонстрации независимости;
- компенсаторная функция: покрытие чувства неполноценности, неуверенности в себе через демонстрацию силы и власти над другими;
- коммуникативная функция: когда иные способы привлечения внимания к своим проблемам исчерпаны или недоступны.

Результаты и их обсуждение.

В стенах школы деструктивность принимает следующие основные формы:

1. Буллинг (травля). Буллинг – это не просто конфликт или эпизодическая ссора. Это систематическое, целенаправленное и повторяющееся агрессивное поведение, при котором существует дисбаланс силы (физической, психологической или социальной) между агрессором (буллером) и жертвой. Виды проявлений:

- физический буллинг – избиение, толчки, порча личных вещей, отнимание денег или еды.
- вербальный буллинг – насмешки, обзывательства, унижительные прозвища, угрозы, распространение слухов и сплетен.
- социально-психологический буллинг выражается в виде бойкота, изоляции, манипуляции, направленные на разрушение репутации и социальных связей жертвы («с ней никто не дружит»).
- кибербуллинг – травля в цифровом пространстве (соцсети, мессенджеры).

Особенности кибербуллинга в беспредельности, жертва не чувствует себя в безопасности даже дома. Анонимность и ощущение безнаказанности у агрессора. Массовость и скорость распространения, компрометирующая информация или оскорбления становятся достоянием огромной аудитории за минуты. Отсутствие немедленной эмоциональной обратной связи от жертвы, что может усугублять жестокость. Он приводит к тяжелейшим последствиям – хронический стресс, тревожность, депрессия, падение успеваемости, школьная дезадаптация, суицидальные мысли и поступки. Для агрессора закрепляется модель поведения как способ решения проблем и самоутверждения, что ведет к асоциализации во взрослой жизни. У остальных участников формируется атмосфера страха, равнодушия или ощущение, что насилие – это норма. Что делать педагогам и психологам? Не игнорировать сигналы. Фразы «они просто играют» или «разбирайтесь сами» недопустимы.

Внедрять программы по профилактике буллинга на школьном уровне. Создавать Службы школьной медиации, где жертва, агрессор и свидетели могут обсудить ситуацию и найти путь к примирению. Работать не только с

жертвой и агрессором, но и с группой, так как буллинг – это болезнь коллектива.

2. Вандализм в школьной среде – это не просто случайная порча имущества или безобидное «разукрашивание» парты. Это сознательное разрушение или осквернение материальных объектов, не принадлежащих виновному, которое представляет собой символическую атаку на установленный порядок и ценности школы. Проявлениями вандализма являются разрисованные стены, сломанная мебель, испорченное оборудование (компьютеры, проекторы), подожженные урны и разбитые окна [10, с. 112].

Психологические мотивы, стоящие за этими действиями, сложны и многообразны.

Протест и месть. Часто вандализм является реакцией на реальную или мнимую несправедливость со стороны учителей или администрации. Это акт отчаяния и гнева, послание: «Меня не уважают, и я уничтожу то, что им дорого».

Скука и экзистенциальная пустота. Для некоторых подростков акт разрушения становится способом «встряхнуть» унылую и рутинную среду, заполнить внутреннюю пустоту и почувствовать хоть какую-то остроту переживаний.

Групповая идентификация. Вандализм может выступать в роли «ритуала посвящения» в неформальную группу, где совершение противоправного действия служит доказательством «своей» принадлежности и храбрости.

Эстетический мотив. Иногда это уродливая попытка творчества – желание преобразить безликую, «казенную» среду, сделать пространство «своим», оставить в нем личный след, когда легальные каналы для самовыражения недоступны.

Что делать педагогам и психологам? Ключевая задача – не просто наказать, а понять причину и превратить деструктивный поступок в педагогическую ситуацию.

Переход от карательного к восстановительному подходу. Вместо штрафов для родителей или чисто формальных взысканий необходимо организовать для виновного работу по личному устранению последствий своего поступка – убрать, покрасить, починить под руководством и наблюдением взрослого. Это помогает осознать ценность труда и причиненный ущерб.

Вовлечение учащихся в со-управление школой. Профилактика вандализма заключается в том, чтобы дать подросткам легальную возможность влиять на среду вокруг себя. Создание советов по дизайну рекреаций, организация арт-проектов или выделение специальных стен для легального граффити направляют энергию протеста и творчества в конструктивное русло.

Формирование ценностного отношения к общему пространству. Важно на регулярной основе обсуждать с детьми и подростками, что школа – это их второе место, а чистота и порядок в ней – это общее достижение и ответственность всего коллектива. Обсуждение последствий вандализма (например, что деньги на ремонт могли бы пойти на новый спортивный инвентарь или экскурсию) делает проблему осязаемой и лично значимой для каждого ученика.

3. Делинквентное поведение в стенах школы представляет собой качественно иной уровень опасности, нежели простое нарушение внутреннего распорядка. Это совершение действий, которые подпадают под

статьи административного или уголовного кодекса, то есть являются настоящими правонарушениями. Его проявления носят особенно тревожный характер: кражи личных вещей, телефонов и денег из раздевалок; систематическое вымогательство (рэкет) под угрозой расправы; распространение запрещенных веществ, включая курение вейпов и торговлю легкими наркотиками; а также умышленная порча имущества в крупном размере.

Школа становится благодатной почвой для такого поведения, поскольку представляет собой легкодоступное социальное поле с высокой концентрацией потенциальных жертв и «клиентов», а также является ареной для демонстрации псевдо-«крутости» и власти через противоправные средства.

Каков реакция педагогов и психологов? Работа должна вестись комплексно, на стыке педагогики, психологии и юриспруденции.

Четкое взаимодействие с правоохранительными органами. Первый и обязательный шаг – отказ от сокрытия инцидентов и налаживание системной работы с инспекцией по делам несовершеннолетних (ПДН). Совместное разрешение случаев демонстрирует серьезность подхода и неотвратимость последствий.

Правовое просвещение, ориентированное на практику. Необходимо двигаться от абстрактных лекций о законе к разбору реальных последствий конкретных поступков. Подростки должны четко понимать, чем грозит судимость – от ограничений в выборе престижной профессии до потери перспектив в будущем.

Глубокая работа с мотивацией. Ключевая задача специалистов – выяснить, что именно движет подростком: банальное желание легкой наживы, стремление обрести статус в группе, влияние криминальной субкультуры или личная месть. Только поняв истинную причину, можно выстроить эффективную индивидуальную траекторию коррекции, направленную на замещение делинквентных моделей поведения конструктивными альтернативами [9, с. 103].

4. Академическая деструктивность – это не следствие низких способностей или случайных нарушений дисциплины. Это активное, демонстративное и целенаправленное сопротивление учебному процессу и институту школы как таковому. Её проявления многолики: от систематического отказа выполнять задания с вызовом «Я не буду это делать», до срывов уроков через громкие разговоры, хождение по классу и провокационные вопросы. Крайней формой является открытое хамство и конфронтация с педагогом, направленные на подрыв его авторитета, а также пассивный саботаж, когда внешнее согласие маскирует последующее игнорирование всех требований.

Стоит понимать, что за этим поведением стоят глубокие психологические мотивы. Часто это протест против авторитарной педагогики, воспринимаемой как насилие над личностью, и кризис учебной мотивации, когда подросток искренне не понимает, «зачем мне эта физика?». Для других это способ самоутверждения в глазах сверстников, где в роли «героя» выступает тот, кто бросает вызов системе. Нередко за агрессивным фасадом скрывается банальный страх неудачи, низкая самооценка и неспособность справиться с программой – деструкция становится защитным механизмом, маскирующим неуверенность.

Действия педагогического коллектива – отказ от силового противостояния. Прекратить публичные баталии. Подавление конфликта на глазах у класса лишь усиливает протест и укрепляет статус «борца» в

группе. Эскалацию необходимо прервать. Перевести взаимодействие в индивидуальный формат. Личная беседа после урока («Давай обсудим, что происходит») снимает публичный компонент и позволяет выяснить истинные причины поведения. [1, с. 53] Найти точки интереса и перезагрузить мотивацию. Педагогу стоит попытаться обнаружить, что действительно увлекает ученика, и через этот интерес выстраивать учебную деятельность, показывая практическую ценность знаний. Провести психологическую диагностику. Задача школьного психолога – диагностировать уровень тревожности, самооценки и выявить глубинные причины сопротивления, будь то семейные проблемы, трудности в обучении или личностный кризис, чтобы направить помощь в нужное русло.

5. В отличие от других форм деструктивного поведения, психологическая аутоагрессия и аддикции представляют собой деструктивность, направленную внутрь себя. Эта форма часто остается менее заметной для педагогов, так как не всегда нарушает общественный порядок, но ее опасность для личности подростка крайне высока.

Проявления многогранны и требуют особой внимательности.

Аутоагрессия (самоповреждение): порезы на руках и ногах, вырывание волос, преднамеренные ожоги. Это не попытка суицида, а патологический способ справиться с невыносимым психологическим напряжением, перевести душевную боль в физическую, которую проще контролировать и пережить.

Депрессивные состояния: это не просто плохое настроение, а стойкое снижение эмоционального фона, потеря интереса к учебе и хобби, нарушения сна и аппетита, хроническая усталость и, что самое тревожное, – суицидальные мысли [4, с. 32].

Пищевые расстройства (анорексия, булимия): в основе лежит стремление обрести контроль над своей жизнью через тотальный контроль над телом и едой, что часто является реакцией на чувство беспомощности в других сферах.

Аддикции:

- «Цифровые» уход в виртуальные миры, социальные сети и игры как способ бегства от неудовлетворяющей и травмирующей реальности.
- «Токсические» употребление сигарет, алкоголя, наркотиков для снятия внутреннего дискомфорта и давления.
- «Субкультурные» погружение в радикальные или деструктивные интернет-сообщества (например, пропагандирующие суицид или насилие), где подросток находит мнимое понимание и оправдание своим переживаниям.

Почему это происходит? Причины кроются в глубоком личностном неблагополучии: чувство одиночества и тотального непонимания в семье и школе, перфекционизм и завышенные требования к себе, травматический опыт буллинга, а также экзистенциальный кризис, связанный с поиском смысла жизни. Реакция? Быть бдительными к косвенным признакам. Тревожными сигналами могут быть: постоянное ношение одежды с длинными рукавами в жару (чтобы скрыть порезы), резкие изменения веса, хроническая усталость и апатия, социальная отстраненность, необъяснимые синяки или ожоги.

Создать в школе атмосферу доверия и поддержки. Важно сформировать среду, где ребенок будет знать, что может обратиться к психологу или понимающему педагогу без страха осуждения и обесценивания своих проблем. Немедленно реагировать на любые упоминания о суициде. Фразы о нежелании жить, шутки или прямые

высказывания о самоубийстве никогда нельзя игнорировать. Это прямой повод для немедленной консультации со школьным психологом и информирования родителей.

Проводить просветительскую работу, направленную на дестигматизацию тем психического здоровья. Открытые беседы помогают снизить стыд и страх вокруг этих проблем и дают подросткам понять, что обращаться за помощью – это нормально и правильно.

Выводы и заключение.

Подростковая деструктивность в школьной среде представляет собой многоаспектную проблему, требующую комплексного подхода со стороны педагогов, психологов и всего образовательного сообщества. Разнообразие форм деструктивного поведения – от буллинга и вандализма до аутоагрессии и аддикций – отражает глубинные личностные и социальные конфликты, характерные для подросткового возраста.

Эффективное противодействие этому явлению возможно только при условии отказа от карательных мер в пользу восстановительного подхода, создания атмосферы доверия, внедрения программ профилактики и индивидуальной работы с каждым подростком. Важно не только реагировать на проявления деструктивности, но и понимать их причины, чтобы направить энергию протеста и поиска идентичности в конструктивное русло. Школа должна стать пространством, где подростки чувствуют себя услышанными и поддержанными, что является ключевым фактором снижения деструктивных тенденций и формирования гармоничной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федяй Д.С. Профилактика деструктивного поведения у детей и подростков как направление социально-психологического сопровождения участников образовательных отношений: учебно-методическое пособие / Д. С. Федяй, Е. П. Федотова, Я. К. Нелюбова; Министерство образования Саратовской области, Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования "Саратовский областной институт развития образования". – Саратов: СОИРО, 2020. – 79.

2. Лотова, И. П. Тени подросткового возраста: «деструктивное поведение» / И. П. Лотова, Л. Р. Магомадова // Профессиональная ориентация. – 2025. – № 2. – С. 28-34.

3. Магомадова, Л. Р. Диагностика семьи как инструмент прогнозирования траектории развития деструктивного поведения подростка / Л. Р. Магомадова // Актуальные проблемы психологического знания. – 2025. – № 3(72). – С. 288-304.

4. Кружкова О. В. Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 26–38. URL: <https://psyandlaw.ru/journal/2024/3/Kruzhkova.pdf> (дата обращения: 06.10.2025).

5. Садовникова Ж. В. Роль школы в предупреждении деструктивных отклонений в развитии личности подростков // Ценности и смыслы. 2023. № 6 (88). – С. 102-119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-shkoly-v-preduprezhdenii-destruktivnyh-otkloneni-y-v-razvitii-lichnosti-podrostkov> (дата обращения: 08.10.2025).

6. Сафина, О. С. Факторы возникновения деструктивного поведения подростков / О. С. Сафина // Социальные и психологические ресурсы развития личности: Материалы Международной научно-практической конференции, СКАДОВСК, 27–28 марта 2025 года. – Симферополь: Общество

с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. – С. 360-364.

7. Проценко, В. О. Деструктивные формы поведения подростков / В. О. Проценко // Педагогика и психология личностного потенциала: современные практики: материалы научно-практической конференции, Красноярск, 16 апреля 2024 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2024. – С. 190-194.

8. Иванцова, О. В. взаимосвязь акцентуаций характера с деструктивным поведением подростков / О. В. Иванцова // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы IV Международной научно-практической конференции. В 3-х томах, Донецк, 14 мая 2020 года / Донбасская юридическая академия. Том 3. – Донецк: Цифровая типография, 2020. – С. 302-308.

9. Ткаченко, И. В. Диагностика как направление психологической помощи семье / И. В. Ткаченко // Образование и семья: проблемы диагностики : Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2007 года / Под общей редакцией И.А. Хоменко. – Санкт-Петербург: Борей АРТ, 2007. – С. 101-105.

10. Фельдштейн, Д. И. Психология развития личности в онтогенезе / Д. И. Фельдштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 208 с.

11. Эриксон, Э. Г. Идентичность: юность и кризис / Э. Г. Эриксон; пер. с англ. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

12. Коменский Я.А. Великая дидактика / Я.А. Коменский // Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Педагогическое наследие. – М.: Педагогика, 1989. – 318 с.

13. Аникеева, Н. Главное о воспитании детей. М. Монтессори, Я. Корчак, Л. Выготский, А. Макаренко, Э. Эриксон / Н. Аникеева. – Санкт-Петербург: Питер, 2016. – 106 с.

ADOLESCENT DESTRUCTIVENESS IN SCHOOL: A CHALLENGE FOR TEACHERS AND PSYCHOLOGISTS

Magomadova L.R.

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of adolescent destructiveness in modern schools, which reflects a wide range of social and psychological problems of society. The main manifestations of destructive behavior such as bullying, vandalism, delinquent behavior, academic resistance, as well as autoaggression and addictive tendencies are considered. Special attention is paid to the psychological functions of destructiveness (protest, compensatory, communicative) and its roots in the identity crisis of adolescence. The author emphasizes the need for an integrated approach to solving the problem, including the introduction of prevention programs, the use of restorative practices, legal education and the creation of a supportive environment in educational institutions. The proposed strategies are aimed at minimizing the negative consequences of destructive behavior and the formation of constructive ways of self-expression among adolescents.

Keywords: adolescent destructiveness, adolescence, bullying, cyberbullying, vandalism, delinquent behavior, academic destructiveness, autoaggression, addictions, school environment, prevention and correction.

УДК 159.9, 316.6, 37.015.3, 330.163

ЗООТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ИНВАЛИДОВ

Минькова Надежда Константиновна,
Заместитель директора по реабилитации и профессиональной
Ориентации, Санкт-Петербургское государственное бюджетное
специальное реабилитационное профессиональное образовательное
учреждение – техникум для инвалидов «Профессионально-
реабилитационный центр»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Минькова Карина Владиславовна,
Психолог,
Санкт-Петербургское государственное автономное стационарное
учреждение социального обслуживания населения «Дом социального
обслуживания «Иверский» имени В.Г. Горденчука
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Исследование посвящено комплексному анализу зоотерапевтического потенциала в системе социальной реабилитации, сфокусированному на изучении влияния взаимодействия с домашними животными на психологическое состояние и социальную интеграцию получателей социальных услуг в стационарных учреждениях. Учитывая актуальность проблемы социальной изоляции и снижения качества жизни в геронтологии и социальной работе, данная работа исследует, как животные-компаньоны могут выступать в роли «социальных катализаторов», способствуя формированию межличностных связей и повышению общего психоэмоционального благополучия. Исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрируя данные из зоопсихологии, клинической психологии, геронтологии и социальной педагогики. Проведенный анализ подтверждает, что взаимодействие с животными оказывает значительное позитивное влияние на снижение уровня стресса, тревожности и депрессивных состояний, что находит свое отражение в нейробиологических механизмах, таких как модуляция уровня кортизола и высвобождение окситоцина. Работа анализирует роль животных как «социальных мостов» в контексте стационарного социального обслуживания. Полученные результаты позволяют выявить специфические механизмы воздействия животных и разработать обоснованные рекомендации по оптимизации реабилитационных программ, направленных на повышение качества жизни и социальной интеграции уязвимых групп населения.

Ключевые слова: зоотерапия, анималотерапия, социальная реабилитация, социальная интеграция, стационарные учреждения социального обслуживания, домашние животные, качество жизни,

социальная изоляция, психологическое состояние, инклюзия, просоциальное поведение, геронтология, специальная психология.

Актуальность исследования.

Проблема социальной изоляции и снижения качества жизни является одной из наиболее актуальных в современной геронтологии, социальной работе и психологии. Стационарные учреждения социального обслуживания, призванные обеспечивать поддержку и уход за уязвимыми группами населения, зачастую сталкиваются с вызовами, связанными с поддержанием психологического благополучия и активной социальной интеграции их подопечных [3]. В этом контексте возрастает интерес к нетрадиционным, но научно обоснованным методам реабилитации, одним из которых является зоотерапия – использование животных в терапевтических целях. Настоящее исследование направлено на изучение зоотерапевтического потенциала в системе социальной реабилитации, фокусируясь на влиянии владения домашними животными на психологическое состояние и социальную интеграцию получателей социальных услуг в стационарных учреждениях [12]. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе данного феномена с позиций смежных дисциплин, таких как зоопсихология, клиническая психология и социальная педагогика, а также в выявлении специфических механизмов воздействия животных на ключевые показатели качества жизни респондентов.

В частности, автор стремится проанализировать, каким образом животные-компаньоны могут выступать в роли «социальных катализаторов», способствуя формированию новых социальных связей и укреплению существующих, что особенно важно для лиц, испытывающих дефицит межличностного взаимодействия [2]. Кроме того, исследование затрагивает вопросы влияния животных на снижение уровня стресса, тревожности и депрессивных состояний, что подтверждается многочисленными работами в области психофизиологии и нейробиологии.

Таким образом, настоящее исследование ставит своей целью систематизировать и углубить понимание зоотерапевтического потенциала в системе социальной реабилитации, акцентируя внимание на конкретных механизмах влияния владения домашними животными на психологическое состояние и социальную интеграцию получателей социальных услуг в стационарных учреждениях. Мы предполагаем, что комплексный анализ, основанный на междисциплинарном подходе, позволит выявить наиболее эффективные стратегии применения зоотерапии и разработать рекомендации для оптимизации реабилитационных программ.

Теоретические основы зоотерапии и социальной реабилитации.

Зоотерапия, или анималотерапия, представляет собой научно обоснованный подход к использованию животных в терапевтических и реабилитационных программах. Ее эффективность базируется на ряде психофизиологических механизмов. Взаимодействие с животными способствует снижению уровня стресса и тревожности за счет высвобождения окситоцина – гормона, ассоциируемого с привязанностью и доверием. Физический контакт с животным (поглаживание, прикосновение) стимулирует выработку серотонина и дофамина, нейромедиаторов, отвечающих за позитивное эмоциональное состояние и чувство удовлетворения [1]. Этот эффект, известный как «эффект присутствия животного», может нивелировать чувство одиночества и изоляции, часто

испытываемое пожилыми людьми и лицами с ограниченными возможностями здоровья.

С точки зрения социальной интеграции, домашние животные могут выступать в роли катализаторов социального взаимодействия. Уход за питомцем, его кормление, прогулки и игры требуют определенной активности и ответственности, что стимулирует развитие самообслуживания и повышение самооценки [9]. Кроме того, животные часто становятся объектом межличностного общения, способствуя установлению контактов между получателями социальных услуг, персоналом и посетителями учреждения. Это создает благоприятную почву для формирования инклюзивной среды, где каждый член сообщества чувствует себя вовлеченным и значимым.

Краткий обзор исследований (литературы).

Исследования, посвященные изучению влияния животных на психоэмоциональное состояние и социальное благополучие человека, имеют давнюю историю и охватывают широкий спектр научных дисциплин, включая психологию, социологию, медицину и педагогику. В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к зоотерапии как к научно обоснованному методу реабилитации и повышения качества жизни, особенно в контексте работы с уязвимыми группами населения, включая лиц, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания [5].

Обширные исследования в области медицинских наук и профессиональных дисциплин всё чаще подтверждают пользу для здоровья человека, включая физиологическую, психологическую, эмоциональную и духовную, которую можно получить от взаимодействия человека и животных (Barker, Rogers, Turner, Karpf, & Suthers-McCabe, 2003).

Начиная с 1960-х годов, наблюдается значительное увеличение числа исследований, описывающих социальные контексты для понимания взаимосвязи человека и животных и потенциальной пользы для здоровья. Этот обширный массив работ, демонстрирующий междисциплинарный характер исследований в области «Человек-Животное» (Human-Animal Studies, HAS) и «Критические исследования животных» (Critical Animal Studies, CAS), охватывает множество направлений.

В рамках социальной работы, исследования таких авторов, как Becker & French (2004), Faver & Strand (2003), Hanrahan (2011), Netting, Wilson, & Newswanger (1987), Risley-Curtiss (2010), Risley-Curtiss, Holly, & Wolf (2006), Ryan (2011), Sable (1995), и Zilney & Ziley (2005), акцентируют внимание на роли животных в поддержке клиентов, улучшении семейных отношений и развитии социальных навыков.

Клиническая психология, представленная работами Ascione (1998, 2008), Ascione & Arkow (1999), Lasher (1998), Levinson (1962, 1964, 1972), и Walsh (2009a, 2009b), исследует терапевтический потенциал животных в контексте лечения психических расстройств, снижения стресса и повышения самооценки.

Медицинские исследования, включая работы Barker & Barker (1988), Boat (1995, 2010), Jennings, Reed, Christy, Jennings, Anderson, & Dart (1998), Anderson, Reed, & Jennings (1992), Friedman & Katcher (1978), Friedman, Katcher, Lynch, & Thomas (1980), Friedman & Thomas (1995), Katcher & Beck (2010), подтверждают физиологические преимущества взаимодействия с животными, такие как снижение артериального давления и уровня холестерина.

В психиатрии, исследования Altshuler (1999), Barak, Savoria, Mavsbav, & Beni (2001), Hart, Zasloff, & Benfatto (1989), Katcher (2010) изучают

влияние животных на пациентов с различными психическими расстройствами. Сестринское дело, представленное Brodie & Biley (1999), Friedmann, Son & Tsai (2010), Hooker, Holbrook Freeman, & Stewart (2002), Johnson, Odendaal, & Meadows (2002), также подтверждает положительное воздействие животных на пациентов. Психотерапевтические подходы, исследованные Fine (2010), Horowitz (2010), демонстрируют интеграцию животных в терапевтические практики.

Примечательно, что значительная часть этих исследований представляет собой недавнее междисциплинарное сотрудничество в области здравоохранения, некоторые из которых также в значительной степени основаны на трансдисциплинарных подходах, соотносящихся с исследованиями в области гуманитарных, социальных и естественных наук.

Волна публикаций в областях HAS и CAS, исследующих значение животных по отношению к людям и общей глобальной окружающей среде, включает широкий спектр вкладов из таких областей, как социология и антропология (Arluke & Sanders, 2009; Flynn, 2000, 2008; Noske, 1989, 1997, 2008; Serpell, 1986, 2010), политическая и моральная философия (Francione, 2009; Regan, 2004; Singer, 2009 1975), феминистская и экофеминистская теория (Adams, 1994; Adams & Donovan, 2007, 1995; Besthorn, 2002; Glasser, 2011), право (Francione, 1995, 2000), этика (Botes, 2000), ветеринарная медицина (Arkow, 1998; Hart, 2000a, 2000b; 2010; Catanzaro, 2003; Rowan & Beck, 1994), биология и этология (Bekoff, 2007; Wilson, 1984) и история науки (Haraway, 2003, 2008)..

Западные клинические взгляды на влияние домашних животных на здоровье в XX веке восходят к известному детскому психологу Б. Левинсону, который в начале 1960-х годов непреднамеренно «стал пионером использования домашних животных в терапии, заметив, что домашнее животное может стать спасательным кругом для тех, кто особенно уязвим» (Walsh, 2009). В историческом обзоре терапии с участием животных Serpell (2010) утверждает, что Б. Левинсон понимал, что «отношения с животными сыграли настолько важную роль в эволюции человека, что теперь они стали неотъемлемой частью нашего психологического благополучия».

Именно те ранние работы в области связи человека и животных, включая исследования Б. Рейчел (Riegel, 1978), заложили основу для понимания терапевтического эффекта присутствия животных. Они продемонстрировали, что взаимодействие с животными может способствовать снижению уровня стресса, артериального давления и улучшению настроения у пациентов. Эти наблюдения были впоследствии подтверждены многочисленными эмпирическими исследованиями, которые выявили нейробиологические механизмы этого воздействия, включая высвобождение окситоцина и снижение уровня кортизола (Handlin et al., 2011; Odendaal, 2000).

В контексте социальной интеграции, животные часто выступают в роли «социальных катализаторов». Исследования показывают, что наличие питомца может способствовать установлению новых социальных контактов и укреплению существующих связей (Wood et al., 2015). Для лиц, проживающих в стационарных учреждениях, где социальная изоляция является серьезной проблемой, животные могут стать «социальными мостами», облегчая общение между респондентами, персоналом и посетителями. Это особенно актуально для людей с ограниченными возможностями здоровья, которые могут испытывать трудности в установлении межличностных контактов.

Особое внимание в научной литературе уделяется влиянию животных на психологическое состояние пожилых людей и лиц с хроническими заболеваниями. Работы, посвященные геронтологии, подчеркивают роль животных в снижении чувства одиночества, депрессии и тревожности, а также в повышении уровня удовлетворенности жизнью (Banks & Banks, 2002; Raina et al., 1999). В контексте стационарного социального обслуживания, где эти проблемы часто усугубляются, зоотерапевтические программы могут стать эффективным инструментом для улучшения психоэмоционального благополучия.

Смежные области, такие как специальная педагогика и коррекционная психология, также активно исследуют потенциал животных в работе с детьми и взрослыми, имеющими различные нарушения развития. Исследования в этой области демонстрируют, что взаимодействие с животными может способствовать развитию когнитивных функций, улучшению мелкой моторики, а также формированию социальных и коммуникативных навыков (Schultz et al., 2011; Kogan et al., 2004). Эти результаты имеют прямое отношение к разработке реабилитационных программ для получателей социальных услуг в стационарных учреждениях социального обслуживания.

Несмотря на растущее количество исследований, остается ряд неизученных аспектов, в частности, специфические механизмы влияния владения животными на социальную интеграцию лиц с инвалидностью в условиях стационарного социального обслуживания. Требуется дальнейшее изучение того, как именно различные виды животных и формы взаимодействия с ними влияют на ключевые показатели качества жизни, такие как самооценка, уровень самостоятельности и степень вовлеченности в жизнь сообщества [8]. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предлагая комплексный анализ зоотерапевтического потенциала с позиций междисциплинарного подхода.

Материалы и методы исследования.

Исследование проводилось на базе стационарных учреждений социального обслуживания Санкт-Петербурга, где были внедрены программы, предусматривающие контакт получателей социальных услуг с домашними животными (собаки-терапевты, кошки, хомяки, морские свинки, кролики, черепахи, птицы, рыбки и т.д.). В выборку вошли респонденты различных возрастных и нозологических групп, включая пожилых граждан и лиц с хроническими заболеваниями, а также детей с особыми потребностями.

Для оценки психологического состояния использовались стандартизированные методики: шкала самооценки тревоги Спилбергера-Ханина, тест на уровень депрессии Бека, а также опросники, направленные на выявление уровня удовлетворенности жизнью и общего эмоционального фона. Социальная интеграция оценивалась посредством анализа частоты и качества межличностных взаимодействий, участия в групповых мероприятиях, а также через самоотчеты респондентов о степени вовлеченности в жизнь учреждения.

Научная новизна исследования заключается в применении комплексного подхода, объединяющего данные объективных измерений (физиологические показатели, поведенческие паттерны) и субъективных оценок респондентов, а также в анализе специфических механизмов, посредством которых владение домашними животными влияет на ключевые показатели качества жизни.

Домашний питомец как катализатор благополучия: психосоциальные аспекты владения животными в контексте стационарного социального обслуживания для лиц с инвалидностью.

В условиях стационарного социального обслуживания, особенно для лиц с инвалидностью, где риски социальной изоляции и снижения психологического благополучия значительно возрастают, домашний питомец выступает в роли уникального катализатора благополучия. Данная метафора отражает многогранное позитивное воздействие животных, охватывающее как собственно психотерапевтические, так и социальные аспекты их присутствия. В контексте стационарного учреждения, где индивидуальная свобода выбора и самоопределения могут быть ограничены, животное становится не просто объектом ухода, но и мощным инструментом восстановления и поддержания психосоциального равновесия.

С психотерапевтической точки зрения, владение или регулярное взаимодействие с домашним животным оказывает выраженное анксиолитическое и антидепрессивное действие. Физиологические механизмы этого эффекта включают стимуляцию выработки окситоцина, эндорфинов и серотонина, что способствует снижению уровня стресса, нормализации артериального давления и улучшению общего эмоционального фона. Для лиц с инвалидностью, часто испытывающих хроническую боль, тревогу или чувство беспомощности, присутствие животного может стать источником безусловной любви и принятия, нивелируя ощущение собственной неполноценности и стимулируя развитие позитивной самооценки. Тактильный контакт, например, поглаживание шерсти, обладает терапевтическим эффектом, снижая психоэмоциональное напряжение и способствуя релаксации [11].

На психосоциальном уровне, питомец трансформирует социальное пространство учреждения, выступая в роли «социального буфера» и «триггера» для межличностного взаимодействия. Уход за животным, будь то кормление, выгул или просто игры, требует активности и ответственности, что стимулирует развитие навыков самообслуживания и повышает уровень самоэффективности у получателей социальных услуг. Эти действия, в свою очередь, способствуют восстановлению чувства контроля над собственной жизнью и повышению самооценки. Более того, животное часто становится естественным объектом для диалога, как между самими респондентами, так и между респондентами и персоналом, а также посетителями [7]. Обсуждение питомцев, обмен опытом по уходу за ними, совместные прогулки или игры создают благоприятную почву для формирования новых социальных связей, преодоления барьеров в общении и снижения уровня социальной изоляции.

Таким образом, домашний питомец в стационарном учреждении социального обслуживания для лиц с инвалидностью выполняет функцию не просто компаньона, но и активного участника реабилитационного процесса [4]. Его присутствие, опосредованное через заботу и взаимодействие, запускает каскад позитивных психосоциальных изменений, способствуя повышению общего благополучия, восстановлению социальной активности и улучшению качества жизни. Этот комплексный эффект делает зоотерапевтические подходы, основанные на взаимодействии с животными, ценным и перспективным направлением в системе социальной реабилитации.

Питомец как фактор личностной трансформации и социальной адаптации лиц с инвалидностью в стационарных учреждениях социального обслуживания.

В условиях стационарного учреждения социального обслуживания для лиц с инвалидностью, процесс личностной трансформации и социальной адаптации часто сталкивается с существенными препятствиями,

обусловленными как физическими ограничениями, так и психологическими факторами, такими как низкая самооценка, чувство беспомощности и социальная изоляция [6]. В этом контексте, домашний питомец выступает не просто как источник эмоциональной поддержки, но и как мощный агент, инициирующий глубокие личностные изменения и способствующий успешной социальной адаптации.

С точки зрения личностной трансформации, взаимодействие с животным стимулирует развитие ряда ключевых компетенций и качеств. Во-первых, забота о питомце требует проявления ответственности и инициативности, что особенно важно для лиц, чья самостоятельность ограничена. Успешное выполнение ежедневных ритуалов ухода – кормление, гигиена, обеспечение комфорта – формирует чувство компетентности и повышает самооценку [10]. Это, в свою очередь, способствует преодолению пассивности и развитию проактивной жизненной позиции. Во-вторых, безусловная привязанность и положительное подкрепление со стороны животного, не зависящее от внешних оценок, помогает реконструировать негативные самовосприятия, связанные с инвалидностью. Животное принимает человека таким, какой он есть, что способствует формированию более позитивного образа «Я» и снижению уровня внутреннего конфликта.

В аспекте социальной адаптации, питомец играет роль «социального посредника». Его присутствие облегчает установление контактов с другими респондентами, персоналом и внешними посетителями. Совместное ухаживание за животным, обмен впечатлениями о нем, а также участие в мероприятиях, связанных с питомцами (например, выставки, показательные выступления), создают естественные поводы для общения и формирования групповой идентичности [10]. Это способствует снижению уровня социальной изоляции и интеграции в сообщество учреждения. Более того, животное может выступать в роли «эмоционального якоря», вокруг которого строятся новые социальные связи, основанные на общих интересах и эмпатии. Процесс адаптации в новой социальной среде, который часто бывает затруднен для лиц с инвалидностью, значительно облегчается благодаря наличию такого «нейтрального» и дружелюбного посредника, как домашний питомец.

Таким образом, питомец в стационарном учреждении социального обслуживания для лиц с инвалидностью становится катализатором личностной трансформации, способствуя развитию ответственности, самооценки и проактивности. Одновременно он выступает как ключевой фактор социальной адаптации, облегчая межличностное взаимодействие, снижая изоляцию и способствуя интеграции в сообщество [5]. Эти аспекты подчеркивают значимость зоотерапевтических подходов как инструмента, направленного на комплексное улучшение качества жизни и реабилитационный потенциал для данной категории граждан.

Результаты и их обсуждение.

Анализ полученных данных свидетельствует о выраженном положительном влиянии контакта с животными на психологическое состояние получателей социальных услуг. Отмечалось статистически значимое снижение показателей тревожности и депрессии в группах, активно взаимодействовавших с животными, по сравнению с контрольными группами. Респонденты, имевшие возможность ухаживать за питомцами или регулярно контактировать с ними, демонстрировали более высокие уровни удовлетворенности жизнью, снижение чувства одиночества и улучшение общего настроения.

В контексте социальной интеграции, зоотерапевтические программы способствовали увеличению числа позитивных межличностных контактов. Подопечные, участвовавшие в уходе за животными, чаще инициировали общение, проявляли большую открытость и готовность к сотрудничеству. Животные выступали в роли «социальных мостов», облегчая установление контактов между ранее незнакомыми людьми и способствуя формированию более сплоченного и дружелюбного микросоциума внутри учреждения [8].

Были выявлены специфические механизмы воздействия:

- Снижение аффективной напряженности: Физический контакт с животными и наблюдение за их поведением оказывают успокаивающее действие, снижая уровень кортизола и артериальное давление.

- Стимуляция просоциального поведения: Забота о животном активизирует эмпатические способности, развивает чувство ответственности и формирует мотивацию к помощи другим.

- Повышение самооффективности: Успешный уход за питомцем, несмотря на имеющиеся ограничения, способствует повышению самооценки и веры в собственные силы.

- Создание «якоря» для позитивных эмоций: Животные часто ассоциируются с безусловной любовью и принятием, что создает устойчивый источник положительных эмоций.

Выводы и заключение.

Проведенное исследование демонстрирует высокий зоотерапевтический потенциал в системе социальной реабилитации. Владение домашними животными и регулярный контакт с ними оказывают существенное позитивное влияние на психологическое состояние и социальную интеграцию получателей социальных услуг в стационарных учреждениях. Животные выступают не просто как компаньоны, но как активные участники терапевтического процесса, способствуя снижению уровня стресса, улучшению настроения, повышению самооценки и стимулированию межличностного взаимодействия [11]. Наблюдаемые позитивные изменения в психоэмоциональной сфере, такие как редукция аффективных нарушений и повышение общего уровня субъективного благополучия, коррелируют с данными о нейробиологических механизмах, включая модуляцию стрессовых гормонов и активацию систем вознаграждения.

Научная новизна работы заключается в системном подходе к изучению данного феномена, выявлении конкретных психофизиологических и социальных механизмов воздействия животных, а также в оценке их влияния на комплексные показатели качества жизни. Результаты исследования подтверждают необходимость интеграции зоотерапевтических программ в практику стационарных учреждений социального обслуживания как эффективного инструмента повышения психологического благополучия и социальной адаптации наиболее уязвимых групп населения. Животные, выступая в роли «социальных катализаторов» и «социальных мостов», способствуют преодолению барьеров, возникающих в условиях социальной изоляции, и облегчают коммуникацию между респондентами, персоналом и внешним миром.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку и стандартизацию методик зоотерапии для различных категориальных групп получателей социальных услуг, учитывая их специфические потребности и нозологические особенности. Особый интерес представляют изучение долгосрочных эффектов такого взаимодействия и разработка протоколов, обеспечивающих безопасность и этичность применения животных в

терапевтических целях. Исследование также открывает перспективы для создания междисциплинарных команд, включающих специалистов в области зоопсихологии, клинической психологии и социальной работы, для более эффективной реализации зоотерапевтических программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарин, А. В. Индивидуальные и ситуационные факторы взаимодействия человека с домашними животными и их вклад в развитие просоциальной активности личности / А. В. Гагарин // Тихоокеанский вестник психологии. – 2025. – № 1 (1). – С. 11–26.

2. Гагарин, А. В. Социально-психологические эффекты межвидового взаимодействия в группе «Человек – домашнее животное» / А. В. Гагарин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2016. – № 2. – С. 27–35.

3. Зинченко, В. П. Психологические основы педагогики: сознательность, активность, развитие личности / В. П. Зинченко. – Москва : Издательство Московского университета, 1998. – 216 с.

4. Кенжегарина, А. Р. Паллиативная медицина. «незаменимая помощь» / А. Р. Кенжегарина, Э. Ж. Әбдіхалықова, Е. Бердібекқызы // ELS. – 2024. – № 30 ноябрь 10. – С. 16–20.

5. Куликова, Е. В. Психологические особенности взаимодействия человека с животными / Е. В. Куликова // Вопросы психологии. – 2001. – № 6. – С. 114–121.

6. Макарова, Л. Н. Анималотерапия как нетрадиционная форма двигательной активности детей с ОВЗ в рамках адаптивной физической культуры / Л. Н. Макарова, В. Л. Лернер, Г. И. Дерябина // Гаудеамус. – 2019. – № 3 (41). – С. 56–61.

7. Морозова, О. В. Социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних с ОВЗ посредством канистерапии / О. В. Морозова, Т. И. Целевич // Гуманизация образования. – 2023. – № 1. – С. 96–105.

8. Никольская, А. В. Актуальные вопросы анималотерапии: направления, области и методы применения / А. В. Никольская, А. А. Костригин // Психология и психотехника. – 2019. – № 2. – С. 54–66.

9. Хижная, А. В. Потребность в домашних животных в системе потребностей современного человека / А. В. Хижная, С. М. Мальцева, Е. В. Рыжакова, Н. В. Макарова // АНИ: педагогика и психология. – 2021. – № 4 (37). – С. 237–240.

10. Черемисина, А. А. Реабилитация несовершеннолетних в учреждении интернатного типа: социально-педагогический аспект // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-2. – С. 326–329.

11. Шмачилина-Цибенко, С. В. Особенности методов лечебно-воспитательного воздействия природы и животного мира в лечебной педагогике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – № 1. – С. 77–84.

12. Шукова, Г. В. Некоторые психологические особенности человека как субъекта межвидового взаимодействия / Г. В. Шукова, М. И. Григорьева // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. – 2014. – № 5 (58). – С. 99–109.

ZOOTHERAPEUTIC POTENTIAL IN THE SOCIAL REHABILITATION SYSTEM: THE IMPACT OF INTERACTION WITH PETS ON THE PSYCHOLOGICAL STATE OF PEOPLE WITH DISABILITIES

Minkova N.K., Minkova K.V.

The study is devoted to a comprehensive analysis of the zootherapeutic potential in the social rehabilitation system, focused on studying the impact of interaction with pets on the psychological state and social integration of recipients of social services in inpatient institutions. Given the urgency of the problem of social isolation and declining quality of life in gerontology and social work, this work explores how companion animals can act as "social catalysts", contributing to the formation of interpersonal relationships and improving overall psycho-emotional well-being. The research is based on an interdisciplinary approach, integrating data from zoopsychology, clinical psychology, gerontology and social pedagogy. The analysis confirms that interaction with animals has a significant positive effect on reducing stress, anxiety and depressive states, which is reflected in neurobiological mechanisms such as modulation of cortisol levels and the release of oxytocin. The work analyzes the role of animals as "social bridges" in the context of inpatient social services. The results obtained make it possible to identify specific mechanisms of animal exposure and develop sound recommendations for optimizing rehabilitation programs aimed at improving the quality of life and social integration of vulnerable groups.

Keywords: zootherapy, animal therapy, social rehabilitation, social integration, inpatient social care facilities, pets, quality of life, social isolation, psychological state, inclusion, prosocial behavior, gerontology, special psychology.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ РАННЕГО ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Чкирина Анна Витальевна

Магистрант,
НИУ «Белгородский государственный национальный
исследовательский
университет», педагогический институт,
факультет психологии, кафедра возрастной и социальной психологии

Статья посвящена исследованию влияния уровня эмоционального интеллекта на выбор стратегий совладания со стрессом у студентов. Рассматриваются ключевые аспекты, связанные с определением эмоционального интеллекта и особенностями применяемых студентами стратегий при встрече с жизненными трудностями. Основное внимание уделено изучению взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и эффективностью выбранных стратегий.

Использовались следующие методики: опросник стратегий борьбы Лазаруса, индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана, Фрайбургский личностный опросник Фаренберга-Хара-Гампела. Для выявления полоролевых различий применялся критерий Манна-Уитни.

Полученные результаты подтверждают, что студенты с высоким уровнем эмоционального интеллекта склонны выбирать стратегии, ориентированные на решение проблемы, детально анализируя ситуацию и находя эффективные пути выхода из нее. Лица с низким уровнем эмоционального интеллекта чаще полагаются на стратегии, направленные на эмоциональное успокоение, но менее действенные в плане устранения корня проблемы.

Автор обобщил существующие взгляды на связь эмоционального интеллекта и стратегий совладания, провел собственное эмпирическое исследование, которое позволило выявить конкретные факторы, влияющие на выбор копинг-стратегий в стрессовых ситуациях. Практическая новизна исследования состоит в установлении непосредственной связи между уровнем эмоционального интеллекта и использованием различных стратегий совладания на примере реальных примеров. Особенное внимание обращено на перспективу повышения устойчивости личности к стрессу посредством целенаправленного развития эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, стратегии совладания, управление стрессом, проблемно-ориентированные стратегии, эмоционально-ориентированные стратегии, устойчивость к стрессу, уровень эмоционального интеллекта, жизненные проблемы, стрессовые ситуации, психологическая устойчивость

Актуальность исследования.

Сегодняшнее поколение студентов сталкивается с большим количеством стрессовых ситуаций, вызванных учебными нагрузками, социальными ожиданиями и адаптационными изменениями. В условиях постоянного напряжения особенно важно изучить механизмы, влияющие на эффективность их реакции на стрессовые факторы. Одним из важнейших аспектов, определяющих способ реагирования студента на стресс, является эмоциональный интеллект (EI).

Согласно Ю.В. Смык, эмоциональный интеллект (EI) – это способность личности понимать и управлять своими эмоциями, а также осознавать эмоции других людей, что играет важную роль в выборе стратегий совладания [13]. Стратегии совладания – это методы, которые личность использует для адаптации к стрессовым ситуациям.

Как пишет В.И. Рерке, эмоциональный интеллект опирается на способность личности управлять своими эмоциями, контролировать их и принимать правильные решения в различных стрессовых ситуациях [12]. Зарубежные исследователи эмоционального интеллекта Albeshier S.A. и Alsaeed M.H. определили, что лица, обладающие способностью эффективно управлять негативными эмоциями, часто прибегают к конструктивным методам в процессе борьбы со стрессом.

Актуальность нашего исследования обусловлена возрастающим числом стрессовых ситуаций, с которыми сталкиваются студенты раннего юношеского возраста в ходе учебного процесса и социализации. Современное образование предъявляет высокие требования к уровню эмоциональной зрелости молодых людей, которые вынуждены ежедневно сталкиваться с учебной нагрузкой, межличностными конфликтами, неопределенностью будущего и прочими источниками стресса.

Выявление закономерностей и механизмов взаимосвязи эмоционального интеллекта и форм поведения в стрессовых ситуациях приобретает особое значение для педагогики и психологии, позволяя разрабатывать программы поддержки и коррекции, направленные на улучшение психического состояния и эффективности учебно-воспитательного процесса.

Краткий обзор исследования (литературы).

Вопросы, касающиеся изучения эмоционального интеллекта и стратегий совладания, широко представлены в трудах зарубежных психологов. Важную роль в развитии понятийного аппарата сыграл Абрахам Маслоу, предложивший концепцию "коппинг-поведения" ("coping behavior") – особого вида поведенческих реакций, отражающих готовность человека решать личные проблемы.

Среди крупных исследований выделяется работа американского психолога Сьюзан Фолкман, которой принадлежит разработка транзакционной модели стресса и совладания. Она предложила детализированную классификацию стратегий совладания, позволяющую глубже анализировать реакции человека на стрессовые ситуации [15].

Ученые Роберт Мосс и Аллен Биллингс поддержали теорию Фолкмана, подчеркнув, что применение конкретных стратегий совладания помогает людям избежать импульсивных поступков и неоправданных рисков в моменты кризиса [15].

Дополнительно Рональд Кесслер и Эдвард Уэтингтон установили, что в критических ситуациях индивидуальная реакция зависит от выбранной стратегии совладания, которая может носить предварительный либо финальный характер.

Концептуально значимой стала работа Карла Карвера, Майкла Шейера и Джозефа Вайнтрауба, показавших, что стратегии совладания имеют смысл рассматривать как систему саморегуляции, направленной на достижение целей. Авторы доказали, что конкретные формы копинга зависят от характеристик стрессоров, окружающей обстановки и персональных качеств человека.

Сам термин "эмоциональный интеллект" ввели Питеру Саловой и Джон Майер, подчеркивающие, что эта способность подразумевает идентификацию и эффективное использование собственных и чужих эмоций в мыслительных процессах и поведении. Их труды послужили основой современного подхода к пониманию природы эмоционального интеллекта [6].

Значимый вклад внес Даниэль Гоулман, раскрывший роль эмоционального интеллекта в управлении настроениями и мотивации, подтвердив его ключевую роль в повседневной жизни, образовании и бизнесе [4].

Особого внимания заслуживает работа Реувена Бар-Она, первого исследователя, предложившего инструмент измерения эмоционального интеллекта и создавшего понятие "EQ" (emotional quotient). Позже Хельмут Вайсбах и Уильям Дакс дополнили это направление, представив "смешанный подход", согласно которому эмоциональный интеллект тесно связан с социальной компетенцией и интеллектуальной регуляцией эмоций [5].

Дальнейшие исследования подтвердили положительные ассоциации высокого уровня эмоционального интеллекта с конструктивными способами совладания с трудностями. Так, в работах Константина Петридиса и Адриана Фернхема показано, что эмоциональный интеллект положительно связан с решением проблемных ситуаций.

Российские ученые также внесли весомый вклад в изучение данной проблематики, отмечая важные аспекты взаимоотношений эмоционального интеллекта и выбора копинг-стратегий. Среди них выделяются труды Александра Алексопольского, Анны Дрыгиней, Елены Леонтьевой, Евгения Сараева, Сергея Хазова и Марины Холодной.

Материалы и методы исследования.

Исследование проводилось на базе Шебекинского агротехнического ремесленного техникума. Возраст участников эксперимента составил от 17 до 18 лет, всего 50 студентов: среди них 49,76% юноши (24 человека) и 50,24% девушек (26 человек).

Для определения уровней предпочтения основных стратегий совладания была использована методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана [15].

В качестве методов исследования был использован опросник стратегий борьбы Лазаруса. Данный опросник содержит утверждения, описывающие поведение в трудных профессиональных и жизненных ситуациях. Задача респондентов заключается в оценке и соответствии каждого утверждения определенному жизненному опыту и конкретному виду поведения. Целью теста является определение сильных и слабых сторон в контексте совладания со стрессом у студентов.

Для определения психических состояний и свойств личности студентов, в первую очередь, необходимых для процесса социальной и профессиональной адаптации и регуляции поведения, был выбран Фрайбургский личностный опросник (Фаренберг, Х. Зарг и Р. Гампел).

Для корреляции личностных характеристик и определения половых различий студентов был использован U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение.

В результате исследования стратегий преодоления жизненных проблем среди студентов были получены следующие данные, представленные в Таблице 1.

Таблица 1 – Стратегии преодоления жизненных проблем (по методике «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана)

Показатели	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс
Решение проблем	50	1	5	3,5	0,8	0,2	-0,5
Социальная поддержка	50	2	6	4,1	1,1	-0,3	0,8
Избегание проблем	50	1	4	2,7	0,7	0,5	-0,2

Уровень использования стратегий решения проблем и социальной поддержки респондентами был средним или высоким, в то время как избегание проблем показало относительно низкие показатели. Эти результаты демонстрируют важность эмоционального интеллекта и стратегий совладания. Стратегии решения проблем и социальной поддержки у студентов развиты на среднем уровне, то есть они используют эти стратегии в равной степени. Стратегия избегания проблем же проявляется менее активно, что говорит о том, что студенты не склонны часто избегать проблем.

Асимметрия и эксцесс распределения, данные в Таблице 1, показывают, что результаты распределены относительно равномерно, без значительных отклонений. Стандартные отклонения демонстрируют, что среди студентов есть определенные различия в использовании стратегий решения проблем, социальной поддержки и избегания проблем, но эти различия незначительны.

Таблица 2 – Статистика по опроснику стратегий борьбы Лазаруса

Показатели	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение	Асимметрия
Преодоление сопротивления	50	1	5	3,2	0,9	0,1
Отстранение	50	1	4	2,5	0,6	0,4
Самоконтроль	50	2	6	4,0	1,0	- 0,2
Социальная помощь	50	1	5	3,6	0,7	0,1

Принятие ответственности	50	2	6	4,2	1,2	-0,3
Избегание успеха	50	1	4	2,8	0,8	0,3
Планирование решения проблемы	50	1	5	3,4	0,9	0,0
Позитивная переоценка	50	2	6	4,3	1,1	-0,4

Исходя из полученных статистических данных, мы можем заключить следующее:

Наиболее популярными среди студентов оказались стратегии «социальная помощь» и «принятие ответственности». Значительные средние оценки свидетельствуют о стремлении учащихся обращаться за поддержкой к окружающим и брать ответственность за происходящее.

Стратегия «позитивная переоценка» также получила высокое среднее значение, что говорит о частом применении переосмысления ситуации в сторону положительных моментов.

Менее используемыми оказались стратегии «отстранение» и «избегание успеха», демонстрируя желание активного участия в разрешении проблем и стремление к успеху.

Большие стандартные отклонения по некоторым пунктам указывают на разнообразие восприятия разных стратегий среди студентов, что требует дополнительного изучения и дифференцированного подхода к обучению соответствующих навыков.

Выводы и заключение.

Исследование показало, что эмоциональный интеллект студентов раннего юношеского возраста существенно влияет на выбор ими стратегий совладания со стрессом. Полученные результаты позволяют утверждать, что учащиеся с высоким уровнем эмоционального интеллекта чаще применяют конструктивные и рациональные подходы к разрешению стрессовых ситуаций.

Основные выводы исследования включают:

- Решительность и активность: Студенты с высоким эмоциональным интеллектом активнее ищут решение проблем, планируют действия и привлекают социальную поддержку.

- Регуляция эмоций: Испытуемые с высоким уровнем эмоционального интеллекта проявляют способность сохранять самоконтроль и рационально подходить к оценке ситуации.

- Предпочтение конструктивных стратегий: Большинство студентов выбирает стратегии, направленные на решение проблемы, однако заметна значительная доля применения эмоционально ориентированных стратегий.

- Необходимость развивающей работы: Недостаточно сформированная культура копинг-реакций у части студентов создает предпосылки для включения тренингов и специальных занятий, направленных на обучение продуктивным приемам совладания со стрессом.

Таким образом, дальнейшее развитие образовательной практики должно предусматривать включение элементов воспитания эмоционального интеллекта и формирования конструктивных копинг-стратегий, что повысит устойчивость и конкурентоспособность будущих выпускников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В.А. Стратегии совладающего поведения: обзор российских и зарубежных исследований // Вестник науки. 2024. № 5 (74). (дата обращения: 03.01.2025).
2. Баева И.А., Лактионова Е.Б., Кондакова И.В. и др. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических исследований [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2024. Том 16. № 2. С. 3-29.
3. Баранов О.О., Галяпина В.Н. Стратегии совладания в контексте самоэффективности российской молодежи в современной геополитической ситуации // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 1. С. 92-111.
4. Бар-Он Р. Инвентаризация эмоционального коэффициента (EQ-i): технический мануал. Торонто, 1997. 216 с.
5. Вайсбах Х., Дакс У. Эмоциональный интеллект. М.: Лик пресс, 1998. 160 с.
6. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ-М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 560 с.
7. Гукаленко О.В. Развитие эмоционального интеллекта как фактора учебной и социальной успешности школьников: теоретический обзор // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. № 2. С. 14-28.
8. Иванова С.В. Эмоциональный интеллект: что это? (аналитический обзор литературы по эмоциональному интеллекту в педагогическом аспекте) // Ценности и смыслы. 2022. № 4 (80). (дата обращения: 03.01.2025).
9. Казаренков В.И., Карнелович М.М., Казаренкова Т.Б. Связь эмоциональных свойств студентов и их поведения в межличностных конфликтах // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 1. С. 121-131.
10. Миколайчак М., Мениль К., Люмине О. Объяснение защитного эффекта эмоционального интеллекта на физическое здоровье: незамеченная роль регуляции эмоций. Обзор психологии здоровья. 2007. № 1 (2). С. 73-92.
11. Поветьев П.В. Взаимосвязь копинг-стратегий с проявлениями тревожности у военнослужащих // П.В. Поветьев, А.М. Жуков // Человеческий капитал. 2023. № 10. С. 222-230. URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2023/10/2310_p222-230.pdf (дата обращения: 03.01.2025).
12. Рерке В.И. Взаимосвязь эмоционального интеллекта студентов техникума с копинг-поведением: от показателей к коррекционно-развивающим перспективам / В.И. Рерке, С.И. Матафонова, Т.Е. Кротова // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). URL: <https://research-journal.org/archive/7-145-2024-july/10.60797/IRJ.2024.145.156> (дата обращения: 01.01.2025).
13. Смык Ю.В. Потенциал психологической безопасности педагога в оценках учащихся / Ю.В. Смык, А.Ю. Качимская, В.Н. Гордиенко // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 3. С. 503-517.
14. Станиславский К. Комплексная модель совладания: интегративная модель структуры совладания со стрессом // Фронт. Психол. 2019. Т. 10 (694).
15. Фолкман С., Москович Дж. Т. Позитивные эмоции и другая сторона совладания. Американский психолог. 2000. № 55 (6). С. 647-654.

THE INFLUENCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE ON COPING STRATEGIES OF EARLY ADOLESCENT STUDENTS

Chkirina A.V.

The article is devoted to the study of the influence of the level of emotional intelligence on the choice of strategies for coping with stress in students. The key aspects related to the definition of emotional intelligence and the peculiarities of the strategies applied by students when encountering life difficulties are considered. The main focus is on studying the relationship between the level of emotional intelligence and the effectiveness of selected strategies.

The following methods were used: Lazarus's questionnaire of struggle strategies, D. Amirkhan's indicator of coping strategies, the Freiburg Fahrenberg-Hare-Gampel Personality Questionnaire. The Mann-Whitney criterion was used to identify gender-role differences.

The results obtained confirm that students with a high level of emotional intelligence tend to choose strategies focused on solving a problem, analyzing the situation in detail and finding effective ways out of it. Individuals with low levels of emotional intelligence are more likely to rely on strategies aimed at emotional calming, but less effective in addressing the root of the problem.

The author summarized the existing views on the relationship between emotional intelligence and coping strategies, conducted his own empirical research, which allowed to identify specific factors influencing the choice of coping strategies in stressful situations. The practical novelty of the study is to establish a direct relationship between the level of emotional intelligence and the use of various coping strategies using real examples. Special attention is paid to the prospect of increasing the individual's resistance to stress through the purposeful development of emotional intelligence.

Keywords: emotional intelligence, coping strategies, stress management, problem-oriented strategies, emotion-oriented strategies, stress tolerance, emotional intelligence level, life problems, stressful situations, psychological stability

УДК 159.9

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Чубенко Ольга Владимировна

Студент магистратуры
Кафедра «Педагогика и Психология»,
Тольяттинский государственный университет

В статье рассматриваются особенности возникновения хронического стресса. Автором отмечается, что изучение механизмов формирования и поддержания психологической устойчивости приобретает особое значение для разработки эффективных профилактических и интервенционных программ. В рамках исследования проведен комплексный психолого-физиологический анализ с использованием стандартизированных инструментов оценки психологической устойчивости, таких как обратная шкала стабильности. Сделано заключение, что уровень психологической устойчивости является одним из ключевых факторов, определяющих способность человека сохранять здоровье и качество жизни в условиях постоянного воздействия хронического стресса, а анализ факторов, влияющих на формирование и поддержание психологической устойчивости, позволяет выявить важность развития эмоциональной регуляции, социальной поддержки и когнитивной гибкости.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, стресс, механизм, биомаркер, состояние, исследование, трудности, здоровье, методы, оценка.

Актуальность исследования.

В современных условиях постоянного ускорения темпа жизни и множества социальных трансформаций проблема психологической устойчивости становится наиболее актуальной. Возрастающий объем информационных потоков, ухудшение экологической ситуации, неопределенность политической и экономической ситуации создают длительные эмоциональные и психофизиологические стрессы, которые вынуждают человека постоянно адаптироваться к новым условиям. Хронический стресс становится одним из наиболее распространенных факторов, негативно влияющих на психическое здоровье, повышающих риск развития соматических заболеваний и снижающих качество жизни [1].

Стрессовые ситуации – неизбежная реальность, и их влияние на людей сильно различается. Одни легко поддаются негативным эмоциям, впадая в отчаяние, а другие демонстрируют поразительное самообладание, преодолевая трудности без нервных срывов и агрессии, сохраняя при этом самообладание. Стресса нельзя полностью избежать, ведь он является неотъемлемой частью. Вот почему так важна стрессоустойчивость и умение управлять своим состоянием [2].

В этих условиях изучение механизмов формирования и поддержания психологической устойчивости приобретает особое значение для разработки эффективных профилактических и интервенционных программ. Цель – не избавиться от стрессовых моментов, а развить психологическую

устойчивость. Образование играет важную роль в формировании этой стабильности. Оно помогает человеку вести активный образ жизни, адекватно реагировать на вызовы, сохранять ясность ума, принимать взвешенные решения и эффективно противостоять стрессорам. Основы личности, мотивы и потребности, необходимые для успешного преодоления трудностей, закладываются именно в процессе воспитания, начиная со школьных лет [3]. В подростковом возрасте, когда человек приобретает большую самостоятельность и стремится принимать решения, грамотное, учитывающее возрастные особенности воспитание формирует фундамент психологической устойчивости, что в свою очередь помогает подростку эффективно справляться со стрессом в будущем или минимизировать его негативное воздействие. Влияние родителей на подростка способствует развитию личностных качеств, которые во взрослом возрасте станут внутренней опорой и инструментом защиты от стрессовых воздействий [4]. Таким образом, передавая ребенку ценности, формируя его убеждения, развивая самостоятельность и умение делать правильный выбор, родители непосредственно способствуют развитию конструктивного поведения, повышая его жизненный тонус и психологическую устойчивость.

Наряду с этим актуальной проблемой современной науки остается поиск ответов на вопросы о механизмах преодоления негативных последствий стойких стрессовых состояний, выявление ключевых факторов, способствующих сохранению психоэмоционального равновесия и физического здоровья в условиях постоянного стресса. Исследования в области психологической устойчивости в условиях хронического стресса являются предпосылкой повышения эффективности психологической поддержки населения и разработки стратегий укрепления индивидуальной устойчивости, что напрямую влияет на уровень здоровья и благополучия в современную эпоху. Глобальные изменения в экономике, обществе и политике сильно меняют наше внутреннее состояние, основные потребности и то, как мы видим мир [5]. В таких условиях особенно ценными становятся такие вещи, как надежный заработок, достойная заработная плата и собственное жилье. Коммуникация также меняется: онлайн-взаимодействие становится все более важным. Все это дает нагрузку на нашу психику и мировоззрение.

Почему одни люди справляются с трудностями, а другие ломаются под их тяжестью? Скорее всего, речь идет о сильных качествах личности: силе воли, настойчивости, стрессоустойчивости, спокойствию, самообладанию, уверенности в себе и позитивном настрое. Не менее важна поддержка близких, комфортная рабочая атмосфера и умение быстро оценивать ситуацию и действовать. Жизнь непредсказуема, полна как ожидаемых, так и внезапных событий. Наша реакция на них определяется нашими целями, желаниями, потребностями и пониманием происходящего. Важно быть готовым к неожиданностям, особенно когда информации о них мало. Длительная неопределенность может вызвать серьезные проблемы со здоровьем и психикой, когда нормальные чувства уступают место тревоге и стрессу [6].

Жизнь полна неприятностей, но наша реакция на них индивидуальна: то, что бесит одного человека, может оставить равнодушным другого. Российская психология считает психологическую устойчивость ключевым качеством личности, помогающим находить выход из сложных ситуаций и адаптироваться к меняющимся условиям. За рубежом стабильность рассматривают как совокупность характеристик, не имеющих единого определения, но часто связываемых со стабильностью и

уравновешенностью. В целом как отечественные, так и зарубежные исследователи признают психологическую устойчивость важной характеристикой, проявляющейся в предсказуемом и надежном поведении. Люди с такой устойчивостью лучше справляются с жизненными трудностями, сохраняют здоровье, контролируют агрессию и обретают внутреннее равновесие [7]. Напротив, слабость личности, проявляющаяся в неспособности противостоять стрессу и решать проблемы, часто связана с отсутствием эффективных стратегий преодоления трудностей и чувством уязвимости. Психически неуравновешенные люди попадают в порочный круг: их неорганизованные действия порождают стресс, который усиливает хаос и приводит к ощущению полной беспомощности.

Материалы и методы исследования.

Методы исследования включали комплексный психолого-физиологический анализ с использованием стандартизированных инструментов оценки психологической устойчивости, таких как обратная шкала стабильности, а также биохимических показателей, отражающих уровень кортизола и серотонина. В выборку вошли 250 студентов вузов в возрасте от 18 до 25 лет, которые добровольно согласились участвовать в исследовании с соблюдением этических требований, включая получение информированного согласия. Критериями включения было отсутствие хронических заболеваний и психических расстройств, а также активное участие в образовательной и общественной деятельности. Из исследования исключались лица с выраженной психопатологической симптоматикой или принимающие препараты, влияющие на их психофизиологический статус. Объектом исследования стали показатели психологической устойчивости и связанные с ними физиологические параметры, что позволило проанализировать влияние хронического стресса на психологическое и физическое здоровье участников. Такой подход соответствует новейшим тенденциям психосоматики и нейробиологии, которые подчеркивают необходимость интеграции психологических и биологических методов для комплексной оценки состояния человека [8]. Исследование проводилось в соответствии с принципами этической компетентности, а сбор данных был организован с учетом соблюдения нормативных требований к исследовательской деятельности. В качестве инструментов оценки также использовались анкеты для оценки стресса и адаптивные стратегии, которые помогли выявить ключевые механизмы усиления психологической устойчивости в условиях хронического эмоционального стресса [9].

Дополнительно для более точной оценки влияния хронического профессионального стресса на участников были внедрены методы определения уровня биомаркеров, таких как кортизол и адреналин, что позволяет сравнивать психологические показатели с физиологическими сигналами. Включение этих параметров особенно важно, учитывая, что в работе обобщены результаты современных исследований связи хронического профессионального стресса с широким спектром биомаркеров гомеостаза и функционального состояния организма [10]. Такой комплексный подход обеспечивает более полное понимание механизмов реагирования организма на стрессовые факторы и служит основой для разработки индивидуализированных стратегий коррекции и профилактики негативных последствий хронического стресса.

Результаты исследования и их обсуждение.

Результаты исследования показали, что уровень психологической устойчивости участников существенно варьировал в зависимости от степени воздействия хронических стрессовых факторов, таких как высокая

профессиональная нагрузка, семейные конфликты и отсутствие социальной поддержки. Анализ показал, что люди с высокой устойчивостью имеют более низкий уровень тревоги и лучшее функционирование в повседневной жизни.

Анализируя связи между стрессом и физиологическими функциями, можно предположить, что стресс является примером важности учета биохимических механизмов в формировании резистентности организма. Поэтому интеграция методов коррекции стресса посредством рационального питания и применения антиоксидантных добавок может стать перспективным направлением улучшения общего состояния здоровья человека и устойчивости к хроническим стрессорам [11].

Выводы и заключение.

Психологическая устойчивость – это, прежде всего, умение управлять собой. Хотя стресс и его последствия зависят от многих факторов, в том числе от воспитания, самоконтроль играет важнейшую роль в подростковом возрасте, когда формируются основы личности. Следует принимать стресс как неотъемлемую часть жизни, ведь полностью избежать его невозможно, как и постоянного счастья. Жизнь постоянно бросает испытания, и попытки избежать их только усугубят проблемы, приводя к унынию. Залогом преодоления стресса является психологическая устойчивость, проявляющаяся в эмоциональной устойчивости, самоконтроле, самооценке, умении противостоять трудностям и сохранять стабильность. Развитие личности происходит через активную деятельность; бездействие порождает стресс и апатию. Мотивация, сила воли, чувство собственного достоинства и самоконтроль необходимы для повышения устойчивости и борьбы со стрессорами. К методам повышения жизнестойкости и снижения стресса относятся индивидуальные психоэмоциональные методики (аутотренинг, релаксация, дыхательные упражнения), положительные переживания (спорт, путешествия, общение, отдых), физические нагрузки, психотерапия и физиотерапия. Их важно дополнять общими оздоровительными практиками: здоровым питанием, распорядком дня, достаточной физической активностью. Анализ исследования показал, что уровень психологической устойчивости является одним из ключевых факторов, определяющих способность человека сохранять здоровье.

В качестве практических рекомендаций необходимо подчеркнуть необходимость внедрения программ психологического тренинга, обучения навыкам управления стрессом, активации социальных связей и развития субъективных ресурсов, способных противостоять негативному воздействию хронического стресса. Важнейшей задачей остается создание условий для профессиональной поддержки и профилактики, что позволит снизить социально-экономические издержки, связанные с эмоциональным истощением и заболеваниями, связанными со стрессом, и обеспечить более высокое качество жизни населения в современном мире с его постоянными вызовами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л. М. Аболин. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1987. – 261 с.
2. Большой толковый психологический словарь / Артур Ребер ; пер. с англ. – Москва, 2003. – 592 с.
3. Виткин Дж. Мужчина и стресс / Дж. Виткин. – СанктПетербург, 1996. – 224 с.

4. Годфруа Ж. Что такое психология : в 2 т. Т. I. / Ж. Годфруа. – Москва, 1992. – 496 с.
5. Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии / Б. В. Зейгарник. – Москва, 1982. – 129 с.
6. Куликов Л. В. Психогигиена личности: Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики : учеб. пособие / Л. В. Куликов. – Санкт-Петербург, 2004. – 464 с.
7. Наливайко Т. В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди / Т. В. Наливайко // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. – Ярославль – 2006. – № 4. – С. 211–216.
8. Немов Р. С. Психология : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 2 кн. Кн. 2. / Р. С. Немов. – Москва, 1994. – 496 с.
9. Психофизиология : учеб. для вузов / под ред. Ю. И. Александрова. – Санкт-Петербург, 2006. – 496 с.
10. Райгородский Д. Я. Теории личности в западноевропейской и американской психологии / Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах, 1996. – 479 с.
11. Фонтана Д. Как справиться со стрессом / Д. Фонтана. – Москва, 1995. – 352 с.

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL STABILITY IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATIONS

Chubenko O.V.

The article discusses the features of the occurrence of chronic stress. The author notes that the study of the mechanisms of formation and maintenance of psychological stability is of particular importance for the development of effective preventive and intervention programs. As part of the study, a comprehensive psychological and physiological analysis was carried out using standardized tools for assessing psychological stability, such as the inverse stability scale. It is concluded that the level of psychological stability is one of the key factors determining a person's ability to maintain health and quality of life under constant exposure to chronic stress, and an analysis of the factors influencing the formation and maintenance of psychological stability reveals the importance of developing emotional regulation, social support and cognitive flexibility.

Keywords: psychological stability, stress, mechanism, biomarker, state, research, difficulties, health, methods, grade.

Учредитель и издатель: Алагаева Кавсарат Юсуповна,
344 000 г. Ростов-на-Дону, ул. Боряна 20 оф. 24
ISSN электронного сетевого издания 3034-2767

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ЭЛ № ФС77-87682 от 28 июня 2024 г.

*ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)*

Адрес издательства: 344114, РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г.О. ГОРОД
РОСТОВ-НА-ДОНУ, Г РОСТОВ-НА-ДОНУ, УЛ БОРЯНА, Д. 20, 24

Сайт издательства: <https://extrapsy.ru/>

Дата выхода номера в свет 25.11.2025г.,

Издание сетевое, электронное

цена свободная

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Минимальный объем статьи – 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx.
Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегель) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Страницы должны быть пронумерованы (внизу страницы, выравнивание по центру).
3. Текст статьи разбивается на следующие элементы:
Актуальность исследования.
Краткий обзор исследований (литературы).
материалы и методы исследований
Результаты и их обсуждение.
Выводы и заключение.
Список использованных источников
4. Литература. Минимальное количество источников – 10. Ссылки на источники в статье указываются по мере упоминания в тексте. Превазирование журналов за последние 5 лет с указанием страниц во всех источниках.
5. Рисунки и таблицы в тексте должны быть подписаны, пронумерованы, нумерация сквозная. Под рисунками должны быть указаны источники, на основании которых они были составлены, либо указать – составлено авторами по ходу исследования. Рисунки должны быть расположены в тексте, в формате jpeg.
6. Формулы в виде редактора формул, также пронумерованы, нумерация сквозная.
7. Оригинальность текста от 80%. В том числе не более 20% заимствований, 25% цитирования.

Структура статьи:

- *индекс УДК в соответствии с классификатором (в левом верхнем углу);*
- *название статьи;*
- *инициалы и фамилии авторов (полностью) через запятую;*
- *аннотация (от 100 до 150 слов) на русском языке;*
- *ключевые слова на русском языке (от 10 до 15 слов);*
- *название статьи на английском языке;*
- *аннотация на английском языке (перевод);*
- *ключевые слова на английском языке (перевод);*
- *текст статьи;*
- *список использованных источников;*
- *сведения об авторах на русском языке (с указанием полного ФИО, названия учебного учреждения, должность, звание, научные степени и т.д.). Обязательное указание электронной почты автора (ов)*
- *сведения об авторах на английском языке (перевод)*

